

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА



**Ф.В.БУЛГАРИН-  
ПИСАТЕЛЬ, ЖУРНАЛИСТ,  
ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИТИК**

Сборник статей

Коллектив авторов

**Ф. В. Булгарин – писатель,  
журналист, театральный критик**

«НЛО»

2019

УДК 821.161.1.09  
ББК 83.3(2=411.2)52-8

### **Коллектив авторов**

Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик /  
Коллектив авторов — «НЛО», 2019

Сборник статей, подготовленных на основе докладов на конференции «Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик» (2017), организованной журналом «Новое литературное обозрение» и Российской государственной библиотекой искусств, в которой приняли участие исследователи из Белоруссии, Германии, Италии, Польши, России, США, Украины, Эстонии. Статьи посвященных различным аспектам биографии и творчества Ф. В. Булгарина, а также рецепции его произведений публикой и исследователями разных стран.

УДК 821.161.1.09  
ББК 83.3(2=411.2)52-8

© Коллектив авторов, 2019  
© НЛО, 2019

## Содержание

Предисловие	6
Офицер Булгарин и русская литература	8
1. Поиск путей легитимации в Петербурге. «Воспоминания об Испании»	10
2. Беллетристика: автор и герой в военных рассказах	15
3. Мемуары: соотношение фикционального и достоверного	18
4. Литературная стратегия и литературная репутация Булгарина	21
Творчество	23
Ф. В. Булгарин в контексте литературного сентиментализма	23
Российские Жиль Блазы и тема «книжного сознания» в русских плутовских романах первой половины XIX века	33
Путевые заметки Ф. В. Булгарина как риторический жанр: своеобразие и литературный контекст	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Ф. В. Булгарин – писатель,  
журналист, театральный критик**  
*Сборник статей*

© Авторы, 2019

© А. И. Рейтблат, составление, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», оформление, 2019

\* \* \*

## Предисловие

Биография и творчество Ф. В. Булгарина в последние десятилетия привлекают повышенное внимание. Это вполне объяснимо. Булгарин, одна из ключевых фигур русской литературы и русской журналистики 1820–1830-х гг., человек, который многое сделал для их профессионализации и для расширения их читательской аудитории, долгое время по идеологическим (а в советское время даже цензурным) причинам почти не изучался. Только с 1990-х гг., когда в России была отменена цензура и начался процесс коммерциализации литературного труда и книгоиздания, вырос интерес к деятельности Булгарина<sup>1</sup>. Причем интерес этот свойственен не только историкам литературы и журналистики, но и исследователям общественного мнения, историкам музыки, театра, живописи, быта, книжного дела и даже спорта, поскольку Булгарин нередко писал на эти темы. Если учесть, что биографически Булгарин был связан с Польшей (культурой), Белоруссией (он родился и провел детство в имении недалеко от Минска), Литвой (поскольку в течение нескольких лет жил в Вильно, посещал там лекции в университете и печатался в местных изданиях), Эстонией (он долгое время жил в своем имении под Дерптом), Испанией (воевал там в составе наполеоновской армии и опубликовал книгу «Воспоминания об Испании»), Финляндией и Швецией (куда совершил путешествие и опубликовал о нем объемную книгу «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году»), то станет понятен интерес, который испытывают к нему исследователи упомянутых стран. Но до последнего времени связь между специалистами, занимавшимися изучением жизни и творчества Булгарина, отсутствовала: не проводились посвященные ему конференции, не выходили сборники статей о нем разных авторов и т. д. В то же время, если принять во внимание и языковой диапазон работ о нем, и тематическое разнообразие его публикаций, именно в данном случае важны общение и совместные усилия изучающих его жизнь и творчество представителей различных научных дисциплин из разных стран.

Попыткой решить эту задачу стала международная конференция «Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик», организованная журналом «Новое литературное обозрение» и Российской государственной библиотекой искусств, которая прошла 30–31 октября 2017 г.<sup>2</sup>

Российской государственной библиотеке искусств он близок как автор многочисленных статей о театре, музыке и живописи, а также как составитель первого русского театрального альманаха «Русская Талия». Журнал же «Новое литературное обозрение» и одноименное издательство с давних пор уделяют повышенное внимание изучению Булгарина, поскольку всегда ставили своей целью обновление методологического инструментария исследователей литературы, а изучение Булгарина, сыгравшего большую роль в ее профессионализации и много писавшего о социальных аспектах ее бытования, очень важно для поиска новых подходов к пониманию места литературы в обществе. Поэтому помимо посвященных ему различных статей и архивных публикаций, печатавшихся в различных номерах журнала, были выпущены тематический «булгаринский» номер (1999. № 40), сборник писем и записок Булгарина в III отделение «Видок Фиглярин» (сост. А. И. Рейтблат; 1998) и книга А. И. Рейтבלата «Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции» (2016).

В первой конференции по Булгарину приняли участие исследователи из Белоруссии, Германии, Италии, Норвегии, Польши, России, США, Украины и Эстонии. В ходе конферен-

---

<sup>1</sup> См., например, включенный в настоящее издание в качестве приложения библиографический указатель публикаций о Булгарине в последние годы.

<sup>2</sup> См. отчет о ней: *Мильчина В.* Международная конференция «Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик» // Новое литературное обозрение. 2018. № 152. С. 406–423.

ции рассматривались и обсуждались различные аспекты биографии, творчества и рецепции произведений Булгарина. Настоящий сборник составлен на основе сделанных на конференции докладов, однако несколько выступавших не подготовили статьи, а с другой стороны, несколько исследователей, которые по разным причинам не смогли принять участие в конференции, свои работы предоставили. Основное место в сборнике занимают исследования, посвященные творчеству Булгарина: его нравоописательным и историческим романам, литературно-критическим статьям, путевым заметкам, статьям о литературе и музыке, переводам и т. д., а также рецепции его произведений: публикациям о нем во французской прессе в 1830-е гг., работам англоязычным исследователей, восприятию его произведений современниками, репутации его в Польше, посвященному ему пассажи в «Доме сумасшедших» А. Ф. Воейкова и т. д. Меньше внимания уделено булгаринской биографии. Исследователи освещают тут такие ее аспекты, как жизнь Булгарина в имении Карлово под Дерптом и взаимоотношения его с местным населением; литературная полемика с Н. А. Полевым, редактирование журнала «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров», поездка в Швецию и т. д. В качестве приложения в сборник включен библиографический список публикаций о Булгарине последних лет.

И в биографии Булгарина, и в его творчестве осталось еще много непроясненных эпизодов и аспектов. Хотелось бы надеяться, что конференция и сборник стимулируют дальнейшую работу по изучению этой сложной и противоречивой фигуры.

*А. И. Рейтблат*

## Офицер Булгарин и русская литература

Н. Н. Акимова

Мнение о том, что Ф. В. Булгарин стал литератором не по призванию, а по воле случая, – один из хорошо известных полемических аргументов булгаринских оппонентов, многолетний соратник и бывший друг Н. И. Греч сформулировал его так: «Потеряв возможность продолжать с успехом военную службу, он пошел в стряпчие; видя, что можно приобрести литературою известность, а с нею и состояние, он наконец взялся за нее, руководствуясь на каждом из сих поприщ правилами – достигнуть цели жизни, т. е. удовлетворения тщеславию и любостязанию»<sup>3</sup>. Защищаясь от подобных упреков, Булгарин писал Н. А. Полевому в 1828 г.: «Даже вы говорите, что я не готовил себя в литераторы. Кто же готовил себя в России?»<sup>4</sup>

Действительно, о сознательном выборе Булгариным жизненного призвания говорить не приходится, поскольку этот выбор был сделан за него и, в силу обстоятельств, довольно рано. Профессия военного для выходца из недавно присоединенных к России территорий была одной из возможностей натурализоваться и сделать карьеру. Образование, полученное Булгариным в престижном военном учебном заведении, позволяло реализовать эту возможность (тем более, что лишь небольшая часть офицеров, современников Булгарина, имела специальное военное образование). Семнадцать лет его жизни, начиная с поступления в ноябре 1798 г. в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, были отданы военной службе, причем время офицерства пришлось, как известно, на период наполеоновских войн. Трудно поверить и другому приведенному Гречем свидетельству, что «храбрость не была в числе его [Булгарина] добродетелей: частенько, когда наклевывалось сражение, он старался быть дежурным по конюшне»<sup>5</sup>. Вряд ли участнику кровопролитных сражений при Фридланде, Кульме или Бауцене удалось бы избежать опасности, да и свой первый орден (Св. Анны 3-й степени<sup>6</sup>) восемнадцатилетний корнет Булгарин тоже получил не за дежурство по конюшне. Однако приведенное суждение Греча охотно тиражируется. Не приходится сомневаться, что и по завершении военной карьеры для своего окружения Булгарин остался прежде всего профессиональным военным, боевым офицером, несмотря на нетривиальность ситуации – участие в наполеоновских войнах сначала в составе русской армии, а затем, в числе других поляков, под знаменами Наполеона.

Военная биография Булгарина<sup>7</sup>, безусловно, требует архивных разысканий. Вопрос, которому посвящена статья, касается взаимоотношений двух главных социальных ролей Бул-

---

<sup>3</sup> Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 688.

<sup>4</sup> Письмо Ф. В. Булгарина Н. А. Полевому от 19 февраля 1828 г. / Сообщ. Ф. А. Бюлер // Русская старина. 1871. № 12. С. 678.

<sup>5</sup> Греч Н. И. Указ. соч. С. 669.

<sup>6</sup> Орден Святой Анны имел три степени, 3-я степень предназначалась для награждения младших офицеров за боевые заслуги, после разделения ордена на четыре степени в декабре 1815 г. эти функции стал выполнять орден 4-й степени.

<sup>7</sup> По окончании Первого кадетского корпуса 11 (23 октября) 1806 г. Булгарин был выпущен корнетом в Уланский его императорского высочества цесаревича Константина Павловича полк, в составе которого воевал сначала против наполеоновской Франции, затем в 1808 г., в Русско-шведскую войну, – в Финляндии. После отставки в 1811 г., по другим сведениям – в 1810 г. (согласно русскому аттестату, Булгарин был «отставлен от службы» 10 мая 1811 г. см.: Аттестат Булгарина / Публ. Н. А. Гастфрейнда // Литературный вестник. 1901. Т. 1. Кн. IV. С. 419), во французском же аттестате указано, что Булгарин вступил подпоручиком в 3-й легион французских улан в августе 1810 г. (см.: Рейтблат А. И. Видок Фиглярин (История одной литературной репутации) // Вопросы литературы. 1990. № 3. С. 81), воевал в Испании, в 1812 г. – в России (в составе 8-го шеволежерского полка полковника Т. Любеньского, входившего в 6-ю бригаду легкой кавалерии Ж.-Б. Ж. Корбино 2-го армейского корпуса маршала Н.-Ш. Удино); в 1814 г. в Пруссии попал в плен. В наполеоновской армии Булгарин дослужился до чина капитана, был награжден орденом Почетного легиона. По окончании наполеоновских войн вместе с другими поляками, воевавшими за свободу своей родины под знаменами Наполеона, получил высочайшее прощение, но к военной службе уже не вернулся.



гарина – офицера и литератора, и тех литературных стратегий, которые позволили ему претворить военный опыт в литературный. Как представляется, именно наличие первого позволило состояться второму, иначе говоря, без офицера Булгарина вряд ли появился бы популярный русский литератор с этим именем.

## 1. Поиск путей легитимации в Петербурге. «Воспоминания об Испании»

Вновь оказавшись в Петербурге после завершения военной карьеры, к 1820 г. отставной капитан французской службы Булгарин сблизился с молодыми русскими либералами, многие из которых, как и он, – офицеры, служащие (Ф. Н. Глинка, братья Бестужевы) или отставные (А. С. Грибоедов, К. Ф. Рылеев). Именно этот круг определил стратегии социально-культурной адаптации Булгарина в новой среде. Ее быстроте во многом способствовала консолидация (в том числе и формальная) названного круга, члены которого входили в Вольное общество любителей российской словесности (далее – ВОЛРС) и Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, имевшие свои периодические издания. Булгарин довольно быстро стал действительным членом и активным участником обществ<sup>8</sup>, в которых он позиционировался как польский офицер, воевавший за свободу родины под французскими знаменами, и начинающий польский литератор. Решив осесть в Петербурге, не без влияния названного круга он решает сделать литературу и журналистику главным способом легитимации в русской культуре. Для успешного осуществления этих намерений был необходим некий рывок, знаковый шаг, который позволил бы занять новую социально-культурную нишу. И этот шаг он сделал весьма грамотно.

10 июня 1821 г. О. М. Сомов записал в своем дневнике: «После 7 часов я был в Обществе любителей словесности, наук и художеств в Михайловском дворце. Булгарин читал нам свои воспоминания о войне в Испании, очень интересные. Он описывает с большим жаром прекрасный пол этой страны, климат, природу»<sup>9</sup>. Через два дня, 13 июня, Булгарин читал свои записки об Испании в полугодижном собрании ВОЛРС<sup>10</sup>. Речь идет о первом большом произведении Булгарина «Воспоминания об Испании», отрывки из него печатались в периодике<sup>11</sup>, в 1823 г. вышло отдельное издание, с посвящением Н. И. Гнедичу<sup>12</sup> (жест, характерный, по мнению историка названных обществ, для их либерального крыла<sup>13</sup>). Этот литературный проект и должен был представить не только дружескому окружению, но и публике нового литератора, наметить пути идентификации его авторского лица.

В какой мере это удалось Булгарину?

Казалось бы, он включается в мемуарную традицию, восходящую к «Письмам русского офицера» председателя ВОЛРС Ф. Н. Глинки<sup>14</sup>, – за год до Булгарина на заседании ВОЛРС читал свои «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечников<sup>15</sup>. Однако булгаринские «Воспоминания об Испании», во-первых, не являются мемуарами, их авторская установка носит иной характер, о чем автор и сообщает в «Предисловии»: «Я намерен представить читателям разительные черты народной войны, прославившей Испанию <...>. Это не история, но

<sup>8</sup> Действительным членом ВОЛРС он был избран 28 марта 1821 г., Вольного общества любителей словесности, наук и художеств – 2 июня 1821 г.

<sup>9</sup> Сомов О. М. Дневник // Вацура В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 125.

<sup>10</sup> См.: Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 242–243.

<sup>11</sup> См.: Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 16. № 10. С. 3–25; № 11. С. 183–201; № 12. С. 316–336; Благонамеренный. 1821. № 14. С. 139–142; Сын Отечества. 1823. № 14. С. 295–309.

<sup>12</sup> Булгарин Ф. Воспоминания об Испании. СПб., 1823. Далее при цитировании этого издания страницы указываются в скобках в тексте.

<sup>13</sup> См.: Базанов В. Г. Указ. соч. С. 230.

<sup>14</sup> См.: Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях и Венгрии, с описанием походов россиян противу французов в 1805–1806 гг. М., 1808. Ч. 1–2; Он же. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815–1816. Ч. 1–2.

<sup>15</sup> См.: Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. СПб., 1820.

взгляд на исторические происшествия, из коих я выбрал самые занимательные и малоизвестные, чтобы доставить моим читателям *общее понятие* о сей войне и об испанском народе. <...> Я написал *сей простой офицерский рассказ* для друзей моих еще в 1819 году, а теперь сообщаю оный почтенной публике...» (курсив мой).

Во-вторых, предлагаемый публике «простой офицерский рассказ» не был рассказом *русского офицера*. Это резко меняло привычную авторскую установку – ее Булгарину пришлось искать самостоятельно, поэтому субъективное начало его «Воспоминаний» структурно проявлено не в мемуарных свидетельствах, а в риторической организации повествования. Единственный фрагмент с эксплицитно выраженной авторской субъективностью представляет собой лирическое обращение к Н. И. Гнедичу (репрезентанту дружеского круга): «О как бы я желал, любезнейший Н. И.! за все приятные минуты, которые вы доставляли мне, сирому на чужой стороне, за все утешения, которые вы проливали в растерзанное несправедливостями мое сердце, наградить вас наслаждением, по крайней мере одного утра, в окрестностях Мадрита» (с. 12–13).

Этот пассаж вносит в авторскую самоидентификацию характерные эмоционально-смысловые обертоны (сиротство, отторженность, положение гонимого чужака), замещающие традиционную принадлежность в военных мемуарах к русскому миру. Вполне логично, что такая замена требовала дополнительного обоснования «офицерского рассказа». Эту функцию и выполняет дважды декларируемая идеологема: «*привязанность к вере, верность к престолу и любовь к отечеству*», создавая своеобразную идеологическую рамку текста: в Предисловии она атрибутирована испанскому народу, а в финале – распространяется на Россию: «Война сия решила важную задачу и доказала, что народ, в котором существуют вера, любовь к престолу и отечеству, есть непобедим. Россия в 1812 году подтвердила сию истину и, равно как Испания, увенчалась бессмертною славою!» (с. 185–186). Найденный ход стирает границу между национальными мирами, находя нечто иерархически более значимое, а самого автора, исповедующего эту идеологию, если не присоединяет к русскому миру, то, по крайней мере, не позволяет изъять из него безоговорочно. Замечу, что этот прием соединения себя как чужака с национально-культурной средой, в которой ему придется жить, основанный на обозначенном выше идеологическом фундаменте, возникает задолго до событий 1825 г. и остается у Булгарина неизменным.

Стремление дать *общую* картину исторических событий обусловило очерковую манеру повествования, которая мало чем отличается от первых очерковых опытов Булгарина: в нее облакаются и непосредственные воспоминания об Испании (описание природы, характера испанцев, привычек и нравов), и повествование о военных событиях в Испании в 1808–1809 гг., созданное с опорой на литературные источники и воспоминания очевидцев. «Воспоминания» содержат ссылки на 8 источников, что, казалось бы, делает неуместным намек критиков на скрытый автором компилятивный характер текста, тем более что Булгарину, напротив, нужна авторитетная точка зрения, к которой он апеллирует. Все это делает необходимым хотя бы беглый анализ источниковой базы текста.

В «Воспоминаниях об Испании» приводятся ссылки на античных авторов (Тита Ливия и Луция Аннея Флора, с. 85–86) и на французские издания 1816–1820 гг., преимущественно мемуарного характера<sup>16</sup>. Упоминание В. Г. Белинским в качестве утаенного источника труда

---

<sup>16</sup> См.: [Delbare F.Th.] Histoire des Ministres Favoris anciens et modernes. Favoris anciens et modernes. P., 1820 (с. 19–20); Mémoires sur la guerre d'Espagne: pendant les années 1808, 1809, 1810, et 1811. Par M. de Naylies, Officier supérieur des Gardes-du-Corps de Monsieur, Chevalier de Saint-Louis et de la Légion-d'honneur. P., 1817 (с. 37, 54); без точного названия изданий, но с упоминанием имен авторов (иногда страниц): Mémoires sur la guerre des Français en Espagne, par M. de Rocca, Officier de hussards et Chevalier de l'ordre de la Légion-d'honneur. 2e édition. P., 1814 (с. 37); *Pradt M. de*. Mémoires historiques sur la révolution d'Espagne. P., 1816. (с. 37); Relation des sièges de Saragosse et de Tortose par les Français, dans la dernière guerre d'Espagne. Par M. le Baron Rogniat, lieutenant-général du génie. P., 1814 (с. 153); Défense de Saragosse, ou Relation des deux sièges soutenus par cette ville en 1808 et 1809; par Don Manuel Cavallero / Traduit par M. L. V. Angliviel de la Beaumelle. P., 1815 (с. 106, 116, 151–152).

А. де Бошана, с неточным переводом названия на русский язык («История войны португальской и испанской»)<sup>17</sup>, обычно принимается на веру и превращается в указание на плагиат<sup>18</sup>. Между тем Белинский вряд ли сличал оба текста: двухтомной компилятивной «Историей войны испанской и португальской» Бошана<sup>19</sup> можно было воспользоваться лишь для справок об общем ходе событий, необходимости упоминать Бошана, а тем более скрывать его имя, не было. Что же заставило Белинского сделать этот упрек? Можно было бы предположить, что в полемической ситуации (известно, что из-за резкости и недопустимых намеков его критическая статья не была пропущена цензурой) Белинский преследовал цель отослать читателя к контексту, задаваемому именем Бошана (по аналогии с записками Видока): Бошан был журналистом, отличавшимся переменчивостью взглядов, и какое-то время сотрудником полиции (ему приписывали «Мемуары Фуше»). Однако эту соблазнительную версию придется отбросить: Белинский всего лишь (хотя и с ошибкой) повторил сведения, почерпнутые из полемики «Московского телеграфа» с Булгариным более чем двадцатилетней давности<sup>20</sup>. Примечательно, что в период временного примирения с Полевым Булгарин посчитал необходимым из всех упреков этой полемики (спустя три года после нее) отвести лишь эти, как он утверждает, необоснованные подозрения: «У вас однажды было напечатано, что мои воспоминания об Испании *выписаны из какой-то французской книги*. Я купил эту книгу, прочел со вниманием два раза, сличал и не нашел ни слова. Я только числа выписал из печатной книги, и то не из той, которую вы указали. Все *оригинальное* – уверяю вас честью старого воина»<sup>21</sup>. Однако признанию Булгарина можно верить лишь в отношении труда Бошана. Подозрения Полевого не были безосновательны: существует источник, которым Булгарин, без ссылок на него, воспользовался при описании осады Сарагосы, заимствуя фрагменты и ссылки на четыре из восьми указанных им источников (в том числе и на античных авторов). Это мемуары польского генерала Юзефа Мрозиньского, участника Испанской войны и взятия Сарагосы, опубликованные в Варшаве в 1819 г.<sup>22</sup> Вопрос лишь в том, почему это явное заимствование не вызвало того резонанса, который будет сопровождать другие литературные акции Булгарина. Попробуем ответить на него ниже.

Очевидно, что компилятивно-очерковая манера противоречила жанровому определению, данному в названии, это почувствовал и сам Булгарин: при републикации в собрании сочинений он заменил название на «Картину испанской войны во время Наполеона»<sup>23</sup>. Скорее всего, дело не только в том, что этой заменой он стремился «замести все следы этого эпизода

---

Переводы мемуаров двух последних авторов, свидетелей событий при Сарагосе, были напечатаны в типографии Н. И. Греча: Осады и обороны Сарагоссы. Барон Ронья, Дон Мануэль Кавальеро / Пер. с фр. лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады полковник [Н. А.] Зварковский. СПб., 1818.

<sup>17</sup> См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 632.

<sup>18</sup> См. авторитетную работу: Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964. С. 111, 112, в которой, видимо, из уважения к Белинскому название труда Бошана дается не в оригинале, а в переводе на французский названия, данного Белинским.

<sup>19</sup> Beauchamp A. de. Histoire de la guerre d'Espagne et du Portugal, pendant les annees 1807 a 1813. V. 1–2. P., 1819.

<sup>20</sup> Н. А. Полевой в своем антибулгаринском выступлении (под псевдонимом Я. Сидоренко) «Матюша-журналушка, или Ученье свет, а неученье тьма» иронически обращался к своему собеседнику: «Вот у меня есть книга, соч. Бошана “История войны испанской и португальской” – вдруг я вздумал бы выбрать из нее разные отрывки и выдал бы их под именем, положим хотя “Воспоминаний об Испании”: хорошо ли бы это было?» (Московский телеграф. 1825. № 15. Прибавление к «Московскому телеграфу». С. 318–319).

<sup>21</sup> Письмо Ф. В. Булгарина Н. А. Полевому от 19 февраля 1828 г. С. 679.

<sup>22</sup> См.: Mroziński J. Obleżenie i obrona Saragossy w latach 1808 i 1809 // Pamiętnik warszawski. 1819. T. XIII. S. 34–70, 127–157, 241–284, 372–423. Юзеф Мрозиньский (1784–1839) – польский бригадный генерал; будучи гусаром – капитаном, брал Сарагосу, в Вилянском легионе прошел всю Испанскую войну, был награжден орденом Почетного легиона. На то, что Булгарин мог опираться на его мемуары, указала В. Г. Гинько (см.: Гинько В. Г. «Едете в Испанию? Счастливей!..» // Русские в Испании. Кн. 1 / Сост. В. Г. Гинько. М., 2012. С. 20).

<sup>23</sup> Булгарин Ф. В. Соч.: В 10 ч. СПб., 1828. Ч. 7. С. 1–161.

своей биографии», «затушевывать личный автобиографический элемент»<sup>24</sup>, – Булгарин нигде и не называет себя участником описываемых событий: ни Мадрида, ни Сарагосы он не брал, в это время, будучи русским кавалеристом, он завоевывал для России Финляндию. В Испании он побывал позже, в 1811 г., в составе французской армии маршала Л.-Г. Сюше, которая действовала в Каталонии и Валенсии – эти события в его сочинении не отражены, однако дали право на литературное высказывание, по традиции названное воспоминанием, поэтому образ повествователя, участника событий, лишен отчетливой субъективной окраски, позволяющей идентифицировать его как биографического автора текста.

Главную сложность представлял для Булгарина сам способ повествования, в котором он попытался совместить историческую правду и художественно-беллетристическую установку. Л. Н. Киселева полагает, что авторская установка в рассматриваемом тексте определяется и исчерпывается «литературной тактикой» Булгарина, стремлением «представить свою “подвижную” точку зрения как проявление объективности»<sup>25</sup>, в чем усматривает сомнительность его нравственной позиции. Однако подобный устойчивый повествовательный принцип в текстах Булгарина вряд ли может быть сведен лишь к тактике, да и его нравственная оценка может быть иной – к примеру, дореволюционными исследователями русской военной прозы (Н. К. Грунскому, Н. Л. Бродскому) в этой установке виделась способность Булгарина отдавать должное противникам и людям любых национальностей и вероисповеданий<sup>26</sup>.

При этом отмеченная подвижная точка зрения определенно принадлежит сознанию, носителем которого является польский офицер, чей голос сливается с голосами других офицеров наполеоновской армии, от которых неотличим и голос самого автора. Так, большой многостраничный фрагмент представлен как записки вестфальского офицера, субъектные маркеры повествования («я», «мы») в этом случае относятся к автору названных записок<sup>27</sup>. В свою очередь, этот повествователь приводит рассказ майора Радомского, якобы подтвержденный его товарищами и донесением в «журнале военного министра» (с. 63–66). Множественность голосов и свидетельств станет основой приема, характерного для будущей журналистской манеры Булгарина – опираясь лишь на источники и воображение, он описывал события, свидетелем которых не был. К примеру, в выразительном описании взятия испанского госпиталя с точно фиксируемыми подробностями, казалось бы, трудно усомниться в непосредственном впечатлении<sup>28</sup>. Хотя описанная повествовательная стратегия не позволяет определенно утверждать, был ли Булгарин свидетелем этих событий, в то же время она не лишена определенного эффекта: некоторые и по сей день считают, что Булгарин участвовал в описанных им осаде Сарагосы или переходе через Кваркен. Точно так же позднее его беллетристика стала источником для биографических реконструкций. К примеру, П. Глушковский, отметив, что полк Т. Лубеньского,

---

<sup>24</sup> Алексеев М. П. Указ. соч. С. 111, 112.

<sup>25</sup> Киселева Л. Н. Фаддей Булгарин о наполеоновских войнах: К вопросу о прагматике мемуарного текста // «Цепь непрерывного предания...»: сб. памяти А. Г. Тартаковского. М., 2004. С. 97.

<sup>26</sup> См.: Грунский Н. К. Наполеон I в русской художественной литературе // Филологический вестник. 1898. Т. 40. № 3/4. С. 295; Бродский Н. Л. Из литературных отражений Отечественной войны // Отечественная война и ее причины и следствия. М., 1912. С. 175–176.

<sup>27</sup> Этот прием запутал даже Л. Н. Киселеву, которая сочла рассматриваемый фрагмент личным воспоминанием Булгарина, упоминающего своего начальника генерала Лоазана, хотя оно не может быть таковым даже хронологически (см.: Киселева Л. Н. Указ. соч. С. 96).

<sup>28</sup> «Сердце обливается кровью при самом воспоминании, до какой степени иступления доходит род человеческий в истреблении своих собратий. Всепожирающее пламя с густым дымом клубами увивалось вокруг разрушающихся стен; больные, избегая огня, бросались на штыки воинов или, собрав последние силы, ползали среди развалин и пожара, влача изъязвленные члены, прикрытые окровавленными рубищами. Ужасные стоны страдания и вопли отчаяния поражали слух и раздирали сердце. К довершению сей адской картины, прибавились сумасшедшие: всякий из них, по роду своей болезни, смеялся, пел, плакал, плясал или декламировал; бешеные, потрясая цепями, с пронзительными воплями и скрежеща зубами, бросались в ряды и грызли смертоносное оружие, на них обращенное. <...> Невинная кровь лилась рекою, и пламя пожирало несчастные жертвы человеческого ослепления. Опускаю завесу на сии ужасные сцены...» (с. 120–121).

в котором Булгарин воевал в 1812 г., действовал в Литве и Белоруссии<sup>29</sup>, заключает: «Однако точное описание Москвы 1812 г. в романе “Петр Иванович Выжигин” позволяет предположить, что Булгарин побывал в рядах армии Наполеона в древней столице России»<sup>30</sup>. Парадоксально, но именно наличие «чужого» взгляда, в чем упрекают Булгарина, дает эффект подлинности, достоверности описанного. Не в этом ли заключалась авторская интенция?<sup>31</sup>

Парадокс подвижной авторской точки зрения, действительно, состоит и в своеобразной двойной адресации текста: преследуя цель стать *своим* среди *чужих*, Булгарин при этом не отказывался от своей польскости. «Опаснейшие места назывались *почетными* и всегда принадлежали полякам...» (с. 109) – пишет он и рассказывает о доблести и геройстве поляков, упоминая их по именам, называя воинские подразделения, «чтобы доказать <...> что во все опасные места французские генералы всегда из предпочтения назначали поляков» (с. 141). Можно определенно утверждать, что перед нами по-прежнему записки *польского офицера*<sup>32</sup>. У этого ракурса изображения есть объективная основа – Булгарин обратился, пожалуй, к самым доблестным и легендарным для поляков страницам их участия в наполеоновских войнах. Вот почему он не мог ожидать упреков в несамостоятельности от благодарных соотечественников.

Не мог он ожидать не только какого-либо скандала, но и отрицательного отношения к своим «Воспоминаниям об Испании» и у русского читателя, прежде всего потому, что отношение к полякам, воевавшим на стороне Наполеона, в этот период было сочувственное, в особенности у либеральной части общества во главе с самим Александром I. Сонет будущего булгаринского оппонента А. А. Дельвига «С. Д. П[ономарёв]ой при посылке книги “Воспоминание об Испании”, соч. Булгарина»<sup>33</sup> – красноречивое свидетельство отношения петербургского общества к этому событию.

Тип повествования, скорее исторического, чем мемуарного, сложившийся в «Воспоминаниях об Испании»<sup>34</sup>, отвечал характеру и уровню историзма русской прозы начала 1820-х гг., что и было оценено читателями и критикой. А. А. Бестужев писал в «Полярной звезде», что «Записки об Испании» «будут всегда с удовольствием читаться не только русскими, но и всеми европейцами», так как написаны «живо и занимательно», «рассказ его свеж и разнообразен, изложение быстро и выбор предметов нов»<sup>35</sup>. «Воспоминания об Испании» помогли Булгарину найти свою литературную нишу, совершив скачок от обозревателя польской словесности к русскому журналисту: через 4 месяца после выступления в ВОЛРС он получил разрешение на издание журнала истории, статистики и путешествий<sup>36</sup> и с 1822 г. стал издателем «Северного архива», позиционируя себя в качестве опытного военного, свидетеля исторических событий, завоевавшего право на разговор с публикой.

<sup>29</sup> Это подтверждают и воспоминания о походе в Россию однополчанина Булгарина Яна Хлопицкого: *Chłopicki J. Pamiętnik Jana Chłopickiego porucznika 7 Pułku Ułanów Wojsk Francuzkich, z czasów kampanij Napoleona. Spisany z ustnych opowiadań przez jego syna. Wilno, 1849.*

<sup>30</sup> *Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013. С. 44.*

<sup>31</sup> Беллетристическое описание своего творческого метода Булгарин дал в повести «Где она? или Призрак счастья». Фикциональный сюжет рождается на глазах у читателя, иницированный прочитанной накануне героем-повествователем газетой: на одной странице он находит известие об извержении Везувия, а на другой – сообщение об утонувшей в Риме англичанке, остальное «завершает пламенное воображение», создающее во сне увлекательную историю, героем которой и представляет себя повествователь (*Ф. В. Где она? или Призрак счастья // Северная пчела. 1826. № 10. 23 янв.*).

<sup>32</sup> К этому времени Булгарин уже публиковал отрывки из воспоминаний как польский офицер: *Bulharyn T. Bitwa pod Kulmem. Sierpnia 30 roku 1813. Wyjątki z pamiętnika polskiego oficera Tadeusza B. // Tygodnik Wileński. 1820. № 10.*

<sup>33</sup> Полярная звезда <...> на 1824 год. СПб., 1823. С. 25–26.

<sup>34</sup> Чуткий В. А. Жуковский в черновых заметках к обзору современной литературы писал: «...г. Булгарин, издатель “Северного архива”, находясь во французской армии, был свидетелем взятия Сарагосы. Он описывает виденные им события, но описывает исторически, а не как самовидец и участник» (*Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 315.*).

<sup>35</sup> «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М., 1960. С. 27, 267.

<sup>36</sup> См.: *Н. Д[убровин]. Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин (как издатели журналов) // Русская старина. 1900. № 9. С. 561–562.*

## 2. Беллетристика: автор и герой в военных рассказах

«Воспоминания об Испании» дают представление о формировании манеры Булгарина-беллетриста. Уже в этом тексте он попытался беллетризовать «офицерский рассказ» при помощи вставных новелл героико-романтического характера. Наиболее репрезентативен вставной эпизод, рассказывающий о польском офицере, вступившем в бой с французскими гренадерами, защищая честь молодой испанки. В награду благодарный отец «предлагал ему руку дочери и все свое имение, приносящее 60 000 червонных ежегодного дохода. <...> Тщетно испанец предлагал ему часть своего имения; офицер с гордостью отринул золото и, приняв в знак помощи кольцо из рук прекрасной испанки и образ Спасителя от матери, удалился в лагерь, сопровождаемый благословениями, удивлением и любовью избавленного семейства. Происшествие сие сделалось известным во всей Испании. В Париже выгравирована была картинка, изображающая сцену избавления, с надписью *Le Polonais magnanime*<sup>37</sup>. К полному изданию моих записок приложу я оную» (с. 29–31). Отметим это обещание повествователя, которое хотя и не было исполнено, но имело творческое продолжение (в 1840-х гг. Булгарин предпринял издание своих воспоминаний). Кроме того, оно проблематизирует самого субъекта высказывания, претендующего на роль мемуариста: им может быть как герой-повествователь, так и сам автор. Текст словно балансирует на грани достоверного и фикционального, мемуарно-исторического и беллетристического. Собственно в стремлении творчески разрешить это противоречие, освоив различные повествовательные стратегии, и будет развиваться военная проза Булгарина. Следствием этих творческих поисков станет созданный им жанр военного рассказа, явившийся откликом на те же запросы, что и поэзия Д. В. Давыдова. Б. М. Эйхенбаум так определял эту тенденцию в отечественной литературе: «Логика эволюционного процесса требовала, чтобы военная тема оказалась в руках профессионала, самая поэтическая работа которого была бы связана с военным делом, с военным бытом <...>. Нужен был не батальный пейзаж в стиле Тасса, а реальный автопортрет военного героя. Нужна была личностная поза, нужны были личность, тон и голос: не “воспевание” героя, а рассказ самого героя о самом себе – и рассказ конкретный, бытовой, с деталями жизни и поведения...»<sup>38</sup> Как и Давыдов, которому принадлежал узнаваемый лирический герой, Булгарин создал маску героя-повествователя, не сливающуюся до конца с авторским «я», но в то же время чрезвычайно близкую: это молодой офицер, рассказывающий о своих приключениях и молодецких проделках, или же старый воин, грубоватый и простой.

Первый военный рассказ Булгарина, «Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая 1813 года», появившийся в «Сыне Отечества» в 1822 г.<sup>39</sup>, был тесно связан с предшествующим литературным опытом автора, к нему отсылал подзаголовок: «Из записок польского офицера, находящихся еще в рукописи». Таким образом, обещанные в «Воспоминаниях об Испании» записки обретали статус реальности, а вместе с тем уточнялся и образ их автора – польского офицера, не только воевавшего в Испании, но и лично знакомого с французским императором, получившего от него чин капитана. Необыкновенная встреча с великим человеком предстает как эпизод военных будней и уравнивает перед лицом истории императора, поручика и их храбрых противников, русских казаков. В результате Булгарин добивается ощущения историчности частного существования – рассказ был напечатан в журнальном разделе «Современная история», он положил начало целой серии повествований, основанных

---

<sup>37</sup> Великодушный поляк (фр.).

<sup>38</sup> Эйхенбаум Б. М. От военной оды к «гусарской песне» // Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 42.

<sup>39</sup> Ф. В. Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая (н. с.) 1813 года // Сын Отечества. 1822. № 41. С. 13–20.

на личных впечатлениях и помещенных позднее Булгариным в собрании сочинений в разделе «Военные рассказы»<sup>40</sup>, среди них: «Военная шутка: Невымышленный анекдот»<sup>41</sup>, «Смерть Лопатинского (Военный рассказ)»<sup>42</sup>, «Военная жизнь: Письмо к Н. И. Гречу»<sup>43</sup>, «Еще военная шутка»<sup>44</sup>, «Ужасная ночь (Отрывок из рукописи “Военные рассказы и воспоминания”)»<sup>45</sup> и др.

До 1826 г. авторская персонификация в рассказах носит подвижный, незакрепленный характер: героем может быть как русский корнет в сражении под Фридландом, так и наполеоновский офицер – атмосфера Александровской эпохи иная, нежели она будет при Николае I. В этом отношении характерно двойное мемуарное свидетельство об одном из вечеров у А. Ф. Воейкова, на котором разговор зашел, по воспоминанию Греча, о битве при Бауцене<sup>46</sup>, а по словам И. Н. Лобойко – о Кульмском сражении: А. А. Перовский и Булгарин, в 1813 г. находившиеся в «центре сражавшихся армий» противников (первый – в корпусе графа Остермана-Толстого, а второй – в корпусе генерала Вандама), признанные за «превосходных рассказчиков», сменяя один другого, рассказали «все, что происходило в нашей и неприятельской армии <...>. Описание перешло в самую живую драму, в которую введено было такое множество действующих лиц, столько было внезапного и поразительного, сцена так часто переменялась, что едва ли кто-либо из присутствовавших в состоянии был уловить все моменты этого представления»<sup>47</sup>.

Булгарину важно, что герой его военных рассказов – человек исторический, и потому, что участвует в большой истории, и в гоголевском смысле, поскольку с ним происходят разные истории. Иначе говоря, он обладает потенциалом беллетристической занимательности, способностью сюжетопорождения. Случай, неожиданное приключение – двигатели сюжета в военном рассказе. Булгарин соединил военный анекдот (с его установкой на живую устную речь рассказа на привале, бивуаке) и европейскую нравоописательную традицию в небольшом сюжетном повествовании. В рассказе «Военная жизнь (письмо к Гречу)», автор объясняет свою повествовательную стратегию привязанностью адресата текста к устным рассказам о военной жизни, таким образом, литературный рассказ представляет собой художественный эквивалент устного рассказа-были (военного анекдота). Обращением к слушателю и установкой на ситуацию рассказывания открываются многие из военных рассказов Булгарина: «Вы хотите, любезные друзья, чтоб я рассказал вам, каким образом я спасся в сражении под Фридландом. Пожалуйста, я вам расскажу, но только попросту, без прикрас, по-солдатски»<sup>48</sup>.

Булгаринские военные рассказы имели успех у публики. А. Бестужев высоко оценил их, отметив «военную искренность и правду», «вкус разборчивый и оригинальный», «незаимствованные формы слога»<sup>49</sup>. Освоенный Булгариным жанр продолжил свою жизнь в творчестве А. Бестужева, О. Сомова, Н. Лорера, В. Ушакова.

Таким образом, к середине 1820-х гг. Булгарин успешно адаптируется в петербургском культурном сообществе в качестве русского журналиста и писателя, чему способствует создание авторского образа – опытного военного, с богатой биографией.

<sup>40</sup> См. об этом: *Акимов Н. Н.* Военный рассказ в русской литературе первой половины XIX века // *Жанры в историко-литературном процессе: сб. науч. статей.* СПб., 2000. С. 25–36.

<sup>41</sup> *Полярная звезда* <...> на 1823 год. СПб., 1823. С. 269–281.

<sup>42</sup> *Сын Отечества.* 1823. № 30. С. 151–162.

<sup>43</sup> *Литературные листки.* 1824. № 1. С. 14–22; № 2. С. 33–50.

<sup>44</sup> *Полярная звезда* <...> на 1825 год. СПб., 1825. С. 287–305.

<sup>45</sup> *Северная пчела.* 1826 № 7, 8. 16, 19 янв.

<sup>46</sup> *Греч Н. И.* Указ. соч. С. 676.

<sup>47</sup> *Лобойко Н. И.* Мои воспоминания. Мои записки / Подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата. М., 2013. С. 155–156.

<sup>48</sup> *Булгарин Ф. В.* Приключения уланского корнета под Фридландом 2-го июня 1807 года // *Булгарин Ф. В. Соч.: В 10 ч.* СПб., 1827. Ч. 2. С. 171.

<sup>49</sup> *Полярная звезда*, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 27.



Симптоматично, что, по мере формирования авторского лица в сознании публики, меняются и подзаголовки военных рассказов: сначала извлеченных из записок польского офицера, затем просто «из военных воспоминаний» («Ужасная ночь») и, наконец, «из воспоминаний старого воина» (таким станет новый подзаголовок при перепечатке первого военного рассказа «Знакомство с Наполеоном...» в переиздании Сочинений<sup>50</sup>). Эволюция авторской самоидентификации очевидна: на смену польскому наполеоновскому офицеру пришел старый русский воин, превращающийся в Фаддея Старосолдатова<sup>51</sup>. (Не случайно известные портреты Булгарина этой поры, гравированные О. Г. Эстеррайхом (1825) и И. П. Фридрицем (1828), содержат выразительную деталь – закрепленную на левом отвороте миниатюрную копию ордена Св. Анны 4-й степени в виде сабли<sup>52</sup>.) Такая замена определялась, прежде всего, внелитературными факторами (и не только возрастными): в Николаевскую эпоху, когда Булгарину удалось уцелеть и ценой сотрудничества с III отделением добиться высочайшего указа о своем переименовании из капитанов французской службы в чиновники 8-го класса Министерства народного просвещения<sup>53</sup>, прежний подзаголовок выглядел неуместно. Собственно литературные обстоятельства понуждали к тому же – к этому времени литературный образ автора, адресованный широкому читателю, был уже сформирован и активно эксплуатировался Булгариным.

---

<sup>50</sup> *Булгарин Ф. В.* Соч. 2-е изд., испр. СПб., 1830. Ч. 1. С. 138.

<sup>51</sup> *Старосолдат Фаддей.* Скорый марш // Листок для светских людей. 1843. № 44.

<sup>52</sup> Вошедшие в моду после наполеоновских войн фразные копии орденов официально не регламентировались. Поскольку орденский знак Св. Анны 4-й степени (небольшой эмалевый крест красного цвета) носился на холодном оружии, то миниатюрная сабля и стала для Булгарина постоянно носимым на гражданском костюме эквивалентом боевой награды, полученной в юности.

<sup>53</sup> О чем он сообщил читателям на страницах «Северной пчелы» (1826. № 144. 2 дек.).

### 3. Мемуары: соотношение фикционального и достоверного

Если к 1830-м гг. культурная идентификация автора как персонажа обрела определенность в произведениях Булгарина, то жанровое решение авторской установки все еще носило незавершенный, неустойчивый характер. Беллетристический и мемуарный модусы изображения, между которыми он вынужден балансировать, осознаются Булгариным, наследником риторической эпохи, принципиально различными. При этом напряжение возникает именно в восприятии границы фикционального и мемуарного, от которого ожидалась историческая достоверность. Не случайно Булгарин посчитал необходимым пояснить жанровую природу военного рассказа, обратившись к читателю в специальном объявлении: «Один из отличных литераторов сделал мне вопрос: все ли приключения, описанные в статье под заглавием “Военная жизнь”, случились именно со мною? Как подобные вопросы могут повторяться, то я за благо рассудил отвечать в моем журнале и повторить сказанное в предисловии, а именно что в сей статье собраны различные приключения, *виденные* и слышанные, для составления, так сказать, панорамы военной жизни. Различные случаи относятся к одному лицу, единственно в той цели, чтобы соблюсти план сочинения, не разрывать повествования отступлениями. Одним словом, “Военная жизнь” есть *сочинение* для изображения того, что представляется офицеру перед фронтом во время сражения и что может с ним случиться в кампании. Но главные анекдоты основаны на истине»<sup>54</sup>.

В булгаринских поисках характера отношений биографического автора и автора как персонажа в военных рассказах и мемуарах дают о себе знать внелитературная и собственно творческая составляющие. Первая определялась тем, что по мере накопления репутационного негативного потенциала, появления нового поколения читателей вновь потребовалась легитимация своего присутствия в литературе. Булгаринские многотомные «Воспоминания» должны были сыграть эту роль, будучи в жанровом отношении воспоминаниями *русского офицера*, призванными откорректировать литературную репутацию.

Однако перед Булгариным стояла и собственно творческая задача, во многом определявшаяся новизной осваиваемой персонажной роли – в литературе еще не было «готового героя» (Л. Гинзбург) такого плана, его нужно было создать и выстроить с ним авторские отношения. Вариант беллетристического решения проблемы Булгарин предложил не только в военных рассказах, но и в романе «Петр Иванович Выжигин» (1831). Мемуарного – в «Воспоминаниях», где соединились обе известные авторские маски: мемуарный сюжет разворачивался как рассказ старого воина о приключениях юного корнета. Обещанное в подзаголовках военных рассказов «воспоминание» наконец обрело реальное жанровое воплощение.

Новизна установки маркируется в тексте: «Иное дело литературная статья, иное дело рассказ очевидца или действовавшего лица, пишущего историю или правдивые записки. Расскажу теперь с историческою точностью то, что уже рассказано было с примесью литературных цветов»<sup>55</sup>, – пишет Булгарин и «дебеллетризует» в мемуарах известные читателям его рассказов истории. Наиболее известная – из эпохи Финляндской кампании, когда посланный арестовать шведского пастора девятнадцатилетний корнет Булгарин (в «Воспоминаниях» он добавил себе два года) из сострадания нарушил приказ, – подверглась двойной художественной перекодировке: положенная в основу военного рассказа «Прав или виноват?»<sup>56</sup>, она стала основой пьесы

---

<sup>54</sup> Ф. В. Объявление от издателя // Литературные листки. 1824. № 3. С. 72.

<sup>55</sup> Воспоминания Фаддея Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1848. Ч. 4. С. 105.

<sup>56</sup> Северная пчела. 1840. № 81, 82. 10, 11 апр.

Н. Полевого «Солдатское сердце»<sup>57</sup>, Булгарин же поместил вставной эпизод с тем же названием (в память о Полевом) в свои «Воспоминания» очищенным от «беллетристических цветов».

Главным принципом создания мемуарного текста, таким образом, провозглашаются историческая достоверность и точность. Однако проблемой стало как художественное воплощение этих принципов, так и обоснование самого права на подобное воплощение. Понимая, что делает предметом внимания читателей и критики свою частную жизнь, обстоятельства которой не раз являлись предметом эпиграмматических и памфлетных интерпретаций, Булгарин обосновывает свое право при жизни печатать подобное жизнеописание публичностью жизни литератора и опытом бывшего военного.

Как известно, мемуарный проект Булгарина остался незавершенным. И дело не только во внелитературных обстоятельствах, сыгравших серьезную роль (высочайший выговор за недопустимые для частного лица воспоминания о М. М. Сперанском), но, как представляется, и в конфликтности стратегий, направленных на создание образа автора как персонажа. Мемуарный рассказ о дальнейших поворотах судьбы, связанных с участием в наполеоновских походах, вступал в противоречие с выстроенным за долгие годы авторским образом храброго русского офицера, соединение различных авторских ликов – беллетриста и историка, Вальтера Скотта и приверженца официальной реляции, – «не сплеталось» в целостный сюжет судьбы, мемуарно-биографическая история его героя явно тяготела к плутовской модели, знакомой русскому читателю по булгаринским романам. Беллетристическое стало препятствием для мемуарного, Булгарин не смог эстетически разрешить эту проблему и счел за благо прервать публикацию после шестой части, завершавшейся прибытием героя в Париж<sup>58</sup>.

«Воспоминаниям» не удалось изменить негативную репутацию Булгарина, напротив, полемика вокруг них способствовала закреплению отрицательного биографического стереотипа. В последнее десятилетие своей жизни Булгарин все более позиционирует себя как старый воин на покое, до конца сохраняя верность военной тематике. Выступая преимущественно как автор некрологов военным деятелям или рецензент специальных военных изданий<sup>59</sup> (всего, без учета материалов, включенных в его регулярные газетные обозрения, им создано около полусотни произведений этой тематики), он даже заявил в «Северной пчеле», что «из всех отраслей литературы у нас более прочих процветает литература военная»<sup>60</sup>. В одной из рецензий он вступил в полемику с маршалом Мармоном и позволил себе «в качестве старого солдата, окуренного пороховым дымом, сделать несколько замечаний, основанных не на книгах, но на солдатской опытности»<sup>61</sup>. Право на суждение он подкрепил свежими внелитературными фактами – встречей с находившимся в это время на постое в Дерпте Уланским полком (полк следовал на подавление восстания в Венгрии), с которым ему когда-то довелось сделать кампании в Пруссии и Финляндии. Среди посетивших Булгарина в его имении уланов оказался и его старый сослуживец, унтер-офицер Федоров. Сама жизнь предложила некую рамочную композицию его судьбы – статью об этой памятной встрече Булгарин закончил симптоматич-

---

<sup>57</sup> Полевой Н. А. Солдатское сердце, или Биваки в Саволаксе: военный анекдот из Финляндской кампании, в двух действиях, с эпилогом. Посвящено Ф. В. Булгарину // Репертуар русского театра. 1840. Т. 2. № 8. С. 1–23.

<sup>58</sup> При этом нельзя утверждать, что он отказался окончательно от продолжения «Воспоминаний», по крайней мере в 1854 г. Булгарин обещал рассказать о литературном быте 1820-х гг., взаимоотношениях с русскими литераторами: «...если Господу Богу угодно будет продлить жизнь мою до тома моих “Воспоминаний”, в котором будут изложены литературные мои отношения» (Северная пчела. 1854. № 12. 16 янв.).

<sup>59</sup> См., к примеру: Булгарин Ф. Краткий биографический очерк генерал-лейтенанта Александра Ивановича Михайловского-Данилевского // Северная пчела. 1848. № 252. 9 нояб., № 254. 11 нояб.; Он же. Воспоминание об Иване Никитиче Скобелеве // Северная пчела. 1850. № 38. 16 февр.; Он же. Письмо к старым боевым товарищам // Северная пчела. 1851. № 28. 5 февр.; Ф. Б. Чтения о военной администрации подполковника Лебедева // Северная пчела. 1853. № 17, 22, 27, 39, 50, 62, 71, 85, 101, 103; Стодвадцатипятилетний юбилей Первого кадетского корпуса, 15 и 16 февраля 1857 года (Письмо Ф. Б. к старому совоспитаннику и полковому товарищу) // Северная пчела. 1857. № 39. 20 февр.

<sup>60</sup> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1849. № 135. 20 июня.

<sup>61</sup> Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1849. № 135. 20 июня.

ным обращением к читателю: «Простите – некогда – вот мои любезные уланы!» Сложившейся литературной репутации он мог противопоставить только репутацию ветерана минувшей военной эпохи.

#### 4. Литературная стратегия и литературная репутация Булгарина

Сохранившийся в истории русской литературы образ Булгарина распадается на две ипостаси: 1) литератор с незавидной репутацией и известным шлейфом накопившихся значений; 2) боевой офицер, автор мемуаров, цитируемых многочисленными военно-историческими сочинениями. (Характерна ошибка библиографов, от С. Д. Полторацкого до современных библиографов, которые атрибутировали Булгарину перевод французского военного сочинения, принадлежавший его однофамильцу или, возможно, родственнику, тоже уланскому офицеру<sup>62</sup>.)

Закрепление второй, «военной», репутационной составляющей происходит уже при жизни Булгарина, поскольку созданная им авторская маска была успешно считана читателем. Так, от упреков «Отечественных записок» булгаринским мемуарам в антипатриотизме<sup>63</sup> Булгарина защитил «Военный журнал», указавший на достоинства сочинения, «написанного во славу России и русского оружия» и «близкого русскому сердцу»<sup>64</sup>, а К. А. Бискупский, член партизанского отряда под началом знаменитого А. С. Фигнера, предлагал использовать свои воспоминания, которые он присылал в конце 1840-х гг. в те же «Отечественные записки» как материал для истории партизанского движения, поручив ее написание «ученым военным», участникам Отечественной войны, «Федору Глинке <...> или Ф. Булгарину; они бы сумели сделать интересное, любопытное и дельное родное, русское, а не переводное издание...»<sup>65</sup>. Эта «военная» ипостась образа Булгарина была впоследствии востребована не только военными историками – у нее обнаружился некий художественный потенциал, нашедший воплощение в современной беллетристике, которая сделала офицера Булгарина своим героем: русским разведчиком и капралом Бонапарта<sup>66</sup>.

Вопрос, который закономерно возникает в финале, можно сформулировать следующим образом: исчерпывается ли писательское поведение Булгарина, как принято считать, лишь некой литературной тактикой? Или же за его литературной стратегией угадываются более глубоко укорененные в отечественной культуре тенденции?

Среди этих тенденций, прежде всего, – освоение русской литературой в условиях профессионализации новой культурной роли писателя, участника истории. Авторство как новая роль, обоснованная военным опытом, актуализируется наполеоновскими войнами, в которых приняли участие русские образованные дворяне. В свою очередь, литература давала им новые, невиданные еще возможности вписать себя в историю: не секрет, что для некоторых своих современников, участников войны, Д. Давыдов был талантливым литератором, сочинившем свою военную славу, поскольку именно талант поэта и мемуариста сделал его, в отличие от Фигнера или Сеславина, знаменитым героем 1812 г.<sup>67</sup>

---

<sup>62</sup> См.: [Ларош-Эмон А. де.] Наставление легким войскам и офицерам, служащим в передовых постах, составленное по наставлению Фридриха II своим офицерам графом де-Ла-Рош-Аймон / Пер. [и предисл.] с 8-го фр. изд. 1831 г. Санктпетерб. улан. полка поручика Булгарина. М., 1835. Повидимому, перевод принадлежит Людвигу Булгарину, сыну двоюродного брата Булгарина Михаила, см.: Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М., 2016. С. 367.

<sup>63</sup> [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1848. Ч. 4 и 5] // Отечественные записки. 1848. Т. 57. Отд. VI. С. 108–111.

<sup>64</sup> [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846–1848. Пять частей] // Военный журнал. 1848. № 6. Отд. III. С. 162–163.

<sup>65</sup> Бискупский К. А. Письма к А. А. Краевскому // Давыдов Д. Дневник партизана. СПб., 2012. С. 227.

<sup>66</sup> Филатов Н. А. Тайные розыски, или Шпионство. Правдивое жизнеописание Фаддея Булгарина. СПб., 2006; Вронский К. Капрал Бонапарта, или Неизвестный Фаддей. СПб., 2007.

<sup>67</sup> См., к примеру: Бискупский К. А. Указ. соч. С. 224–225.

И дело даже не в том, что военный опыт вызвал к жизни мемуаристику участников событий (Д. Давыдова, Н. Дуровой, Р. Зотова и др.) и приохотил их к сочинительству, – для того, чтобы их произведения стали «фактом литературы», необходимы были, по словам В. Э. Вацура, «сдвиги в шкале эстетических ценностей», предложенный ими герой должен был выйти «за пределы жизненной ординарности, размеренности, регулярности»<sup>68</sup>. В этом отношении характерно речевое поведение булгаринского героя, принципиальная установка его военного рассказа на грубоватость и простоту стиля<sup>69</sup>, в которой нельзя не увидеть предвосхищение военной прозы Л. Н. Толстого.

В свою очередь, и оценка Булгарина Толстым, содержащаяся в письме к А. А. Фету (февраль 1860 г.): «Теперь долго не родится тот человек, который бы сделал в поэтическом мире то, что сделал Булгарин»<sup>70</sup>, – дает возможность говорить о Булгарине как предшественнике Толстого: к примеру, по мнению Н. Л. Вершининой, в понимании «нравственного значения войны»<sup>71</sup>. И не только. Булгаринский роман «Петр Иванович Выжигин» участвует в создании исторического эпоса, в котором эпоха 1812 г. предстает как центральное событие национальной истории, и вместе с другими историческими романами 1830-х гг. строит конфликты на границе «своего» и «чужого» культурного пространств, сформировав некую жанровую топiku, востребованную толстовским эпосом о войне 1812 г.<sup>72</sup>

Таким образом, можно утверждать, что военный опыт на всех этапах биографии Булгарина оставался для него важным символическим капиталом. В стремлении соединить в авторском лице две социальные роли, боевого офицера и популярного литератора, обосновав вторую первой, прочитывается свойственная литераторам новой генерации устремленность к искомой целостности личности, пытающейся засвидетельствовать право на присутствие в культуре<sup>73</sup>. Принципы кодирования биографии в этом случае связаны с заменой необходимой «внутренней истории» (Ю. Лотман) военной опытностью, которая для литераторов, призванных в литературу после эпохи наполеоновских войн, становится опытом причастности к большой истории и дает право на «голос» и биографию.

Из своего военного прошлого Булгарин, о чем он писал не раз, вынес стратегию завоевания, покорения чужого, которое дается не только открытым столкновением, но и умением уцелеть, выжить, овладев чужим языком, чужой культурой. Была ли эта стратегия успешной в освоении им новой социальной роли литератора? Проиграл ли офицер Булгарин, сделавший саму свою жизнь предметом литературы? Думается, что ответом на этот вопрос стал современный научный интерес к его личности и литературному наследию.

---

<sup>68</sup> Вацур В. Э. Денис Давыдов-поэт // Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 10.

<sup>69</sup> Ср. авторскую установку в рассказе «Смерть Лопатинского»: «Если б я был историк, поэт или художник, то в чертах блестящих изобразил бы для потомства славную смерть храброго Лопатинского; но будучи только воином и исполняя долг дружбы, рассказал я попросту его доблестный подвиг. Пусть молодой офицер извлечет для себя наставление из сего печального происшествия!» (Булгарин Ф. В. Соч.: В 12 ч. 2-е изд. СПб., 1830. Ч. 1. С. 160).

<sup>70</sup> Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1949. Т. 60. С. 324–325.

<sup>71</sup> Вершинина Н. Л. «Везде наша святая Русь взяла верх...» (Ф. В. Булгарин) // «Увидеть войну в ее настоящем освещении»: война на страницах русской литературы. Псков, 2005. С. 37–38.

<sup>72</sup> См. об этом: Акимова Н. Н. Первые русские романы об Отечественной войне 1812 года // Научн. труды / СПб. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. СПб., 2012. Вып. 23. С. 3–34.

<sup>73</sup> См. об этом подробнее: Акимова Н. Н. Наполеоновские войны в романах Ф. В. Булгарина и Р. М. Зотова: биографическое и беллетристическое // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: сб. науч. статей: В 3 ч. Гродно, 2013. Ч. 2. С. 14–24.

## Творчество

### Ф. В. Булгарин в контексте литературного сентиментализма

*Михаил Аврех*

Роман Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829) начинается с жалобы:

До десятилетнего возраста я рос в доме белорусского помещика Гологордовского, подобно доморощенному волчонку, и был известен под именем *сиротки*. Никто не заботился обо мне, а я еще менее заботился о других. Никто не приласкал меня из всех живших в доме, кроме старой, заслуженной собаки, которая, подобно мне, оставлена была на собственное пропитание.

Для меня не было назначено угла в доме для жительства, не отпускалось ни пищи, ни одежды и не было определено никакого постоянного занятия<sup>74</sup>.

Первая глава романа фактически построена из чувствительно заостренных эпизодов такого типа. Выжигин питается объедками с барского стола; Выжигина бьют без причины; Выжигина приласкали два проезжих офицера, из-за чего он «принялся горько плакать и бросился обнимать ноги людей, которые, в первый раз в жизни», обошлись с ним почеловечески, и т. п.<sup>75</sup>

Начавшись со слез, роман завершается вздохом облегчения. Выжигин, испытав на себе все превратности, выходит в отставку и живет, окруженный семьей и близкими друзьями:

Испытав многое в жизни, быв слугою и господином, подчиненным и начальником, киргизским наездником и русским воином, ленивцем и дельцом, мотом, игроком по слабости, а не по страсти, испытав людей в счастии и несчастьи, – я удалился от света, но не погасил в сердце моем любви к человечеству. Я уверился, что люди более слабы, нежели злы, и что на одного дурного человека, верно, можно найти пятьдесят добрых, которые от того только неприметны в толпе, что один злой человек делает более шуму в свете, нежели сто добрых<sup>76</sup>.

Открыто выраженная чувствительность присуща не только «Ивану Выжигину» и его главному герою. Роман Булгарина «Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни» (1835) также начинается с контраста между роскошью Петербурга и нищей лачугой в одном из его переулков, забытой людьми:

...зрелище нищеты сушит ум и наполняет сердце немой горестью. Жалкие, кто хотят смешить зрелищем бедности! Скажу только, что в грязном домике, о котором идет речь, не было ни малейших признаков преобразования России Петром Великим, не было следов открытия Америки и краткого пути в

---

<sup>74</sup> Булгарин Ф. В. Соч. М., 1990. С. 32.

<sup>75</sup> Ср.: «До сих пор рука человека поднималась на меня не иначе, как для побоев и толчков, и потому я живо ощущал ласки, которым сперва завидовал издали, никогда не испытав их на себе. Мои слезы и благодарность произвели, как теперь постигаю, сильное впечатление в офицерах. Они удвоили свое нежное обхождение со мною и дали разных сластей на дорогу» (Там же. С. 36).

<sup>76</sup> Булгарин Ф. В. Соч. С. 365–366.

Восточную Индию. Русское дерево и русская глина составляли весь материал строения и домашней утвари. Русский язык господствовал в этом домике. По-русски там молились Богу – и плакали.

Была осень. Ветер свистал в скважине ветхой крыши и стучал ставнями...<sup>77</sup>

Характеристика интерьера завершается описанием умирающего старика и плачущих у его постели детей, рассказчика Вениамина Чухина и его сестры Лизы.

Задача данной статьи – обозначить влияние сентиментализма на беллетристику и журналистику Булгарина и, более конкретно, определить место Булгарина в контексте русского сентиментализма. Романы Булгарина пестрят описаниями, похожими стилистически на приведенные выше цитаты, где чувства персонажей и вызванные ими эмоции читателя выходят на первый план. Булгарин, родившийся в 1789 г., рос и учился в период расцвета русского литературного сентиментализма, был современником Жуковского, читал Карамзина и неоднократно ссылался на него, а жил и писал в закатный период русского сентиментализма<sup>78</sup>. Уже эти общие наблюдения показывают, что стоит рассмотреть подробнее влияние сентиментализма на писательскую деятельность Булгарина.

Следует также заметить, что большинство исследований, посвященных Булгарину, обоснованно рассматривают общественно-политические аспекты его биографии. Довольно подробно изучены его служебная деятельность и политические взгляды. В недавней работе акцентируется многослойная имперская идентичность Булгарина<sup>79</sup>. Жанровая и стилистическая структура его наиболее известных романов обсуждена в первую очередь с точки зрения их принадлежности к традициям плутовского или нравоописательного романа<sup>80</sup>. При этом за пределами исследования остаются произведения, созданные в иных жанрах (например, фантастика), публицистика и, главное, сама идея литературного «контекста» Булгарина как писателя, осмысленная с точки зрения используемых им литературных приемов. Учитывая масштаб этой темы, мы наметим здесь лишь общие очертания сентиментализма в текстах Булгарина.

Сентиментальная литература основана на симпатии или чувственной идентификации. Чувства, выраженные в тексте, мобильны; они переходят от одного персонажа к другому, от персонажей к автору и от персонажей и автора к читателю. Как пример такой мобильности можно упомянуть «Бедную Лизу» Н. М. Карамзина, где автор постоянно упоминает свои переживания, вызванные эмоциями персонажей, а также его предположение, что читатель разделит чувства рассказчика, Лизы и Эраста<sup>81</sup>. Сентиментальным текстам свойственны обращения к

---

<sup>77</sup> Булгарин Ф. В. Полн. собр. соч. СПб., 1843. Т. 3. С. 1–2.

<sup>78</sup> И. И. Дмитриев и В. А. Жуковский упоминаются в предисловии к «Запискам Чухина» как единственные поэты, способные отразить «истинную любовь и неподдельное чувство»: «У всех прочих хорошо, красно, живо – но не любовь, а напротив того, или иступление, или – вода» (Там же. С. V–VI). О хронологии русского сентиментализма и его ключевых фигурах см.: Кочеткова Н. Д. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 726–764.

<sup>79</sup> См.: Глишковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013.

<sup>80</sup> См.: Штридтер Ю. Плутковский роман в России: к истории русского романа до Гоголя / Пер. с нем. В. Брун-Цехового, Д. Бордюгова. М.; СПб., 2015; Рейтблат А. И. Гоголь и Булгарин: к истории литературных взаимоотношений // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М., 2016. С. 188–223. Ю. Штридтер упоминает о трансформации плутовского романа в конце XVIII века под влиянием сентиментального направления в литературе (с. 244–245) и, конкретно, об элементах «чувствительного» семейного романа в «Российском Жилблaze» В. Т. Нарезного, одном из предшественников «Выжигина». Он указывает также на возможность интерпретации «Выжигина» как сентиментального произведения (с. 313–314).

<sup>81</sup> «Сердце мое обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте – готов проклинать его, – но язык мой не движется – смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?»; «Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?»; «Но всего чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря – воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!»; «Читатель легко может вообразить себе, что она [Лиза] чувствовала в сию минуту» (Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.;



читателю напрямую, а также описания писателем чувств, которые вызвал у него тот или иной поступок персонажа. Как следствие, становятся важны не поступки как таковые, а рассмотрение поступков в поле чувств, которые они вызывают у читателя. Поступки рассматриваются сквозь оптику чувствительно заостренной этики, где этичность или неэтичность тех или иных поступков определяется чувствами, вызываемыми этими поступками у автора и, главное, у читателя<sup>82</sup>.

Проблемы идентичности (такие, например, как проблема социального происхождения, существенная в случае отношений Лизы и Эраста) заменяются в сентиментальных текстах проблемами эмоциональными. В случае «Бедной Лизы», базового текста русского сентиментализма, социальные различия между персонажами нивелируются благодаря временной удаленности событий и благодаря интенсивности их чувств<sup>83</sup>. Аналогичное «растворение» проблем идентичности в эмоциональных перипетиях героев заметно в «Иване Выжигине» и в других произведениях Булгарина, открывшего для русской литературы «средний слой» российской читательской публики<sup>84</sup>. В приведенном выше примере из первой главы «Выжигина» и в последующих главах двусмысленность социального происхождения сироты Ивана не мешает окружающим сочувствовать ему: он получает помощь от людей из более высоких общественных слоев (офицеров, слуг помещика Гологордовского, «тетушки» Выжигина и многих других), потому что, во-первых, им его жалко и, во-вторых, они находят его «хорошеньким» или забавным. Жалость, которую испытывают окружающие по отношению к Выжигину, обусловлена его безвредностью.

Эмоциональная реакция читателя на этого персонажа структурируется Булгариным аналогично. Булгарин подчеркивает экономическую отсталость «феодальных» отношений в усадьбе белорусского помещика Гологордовского. Плачевное состояние поместья объясняется пагубными привычками самого Гологордовского и политикой арендатора Иоселя, который, «как истинный вампир, сосал кровь усыпленного человечества в имении Гологордовского»<sup>85</sup>. Схематичность описания позволяет читателю проецировать состояние поместья Гологордовского на предполагаемую отсталость всей территории, отошедшей к Российской империи после разделов Речи Посполитой. Следовательно, страдания Выжигина и желание окружающих жалеть его частично объясняются географической локализацией событий: читателю предлагается пожалеть человека, которому выпало расти не только без родителей, но и на окраине Российской империи. Предполагаемая эмоциональная реакция читателя в пользу Выжигина и против «феодальности» и «вампира» создает когнитивный шаблон, благодаря которому у читателя создается ощущение понимания ситуации, основанной на коренном социальном различии между читателем и героем романа.

Аналогичная проблема несоответствия реальности сюжетам чувствительной литературы возникает в описании истории первой любви Выжигина, Груни. Груня происходит из среды персонажей с такими фамилиями, как Грабилин, Вороватин и Штосина (мать Груни). Она слывет красавицей и читает сентиментальные романы:

---

Л., 1964. Т. 1. С. 619, 614, 606–607, 618). Следует также упомянуть паломничество читателей к месту гибели Лизы после публикации повести как своего рода апофеоз чувствительного единства героини и читателей.

<sup>82</sup> Как пример «читательского суда» над героем повести можно упомянуть историю Эраста после разлуки с Лизой и его решение жениться на богатой вдове, после которого Лиза бросается в пруд. Читателю задается риторический вопрос: «Но все сие может ли оправдать его?» (Там же. С. 618), ответа на который Карамзин не дает.

<sup>83</sup> «Два мира – идеальный и реальный – противопоставлены друг другу в сознании Карамзина. В поисках гармонии писатель обращается к отдаленной эпохе: временная дистанция как бы призвана снять трагическое противоречие между вымыслом и реальностью» (Кочеткова Н. Д. Указ. соч. С. 752).

<sup>84</sup> См.: Рейтблат А. И. Видок Фиглярин (История одной литературной репутации) // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 31–32.

<sup>85</sup> Булгарин Ф. В. Соч. М., 1990. С. 41.

Она была задумчивого нрава, проводила большую часть времени одна, в своей комнате, в чтении чувствительных романов и знала наизусть «Страсти молодого Вертера» и «Новую Элоизу». <...> Вскоре философические наши письма приняли тон писем нежного Сент-Пре и мягкосердной Юлии, и мы, не зная, как и зачем, открывались в любви друг другу и мечтали о будущем нашем блаженстве<sup>86</sup>.

Герои «Выжигина» читают классику французского сентиментализма и ведут себя в соответствии с его предписаниями. В этой цитате заслуживает внимания фраза «не зная, как и зачем»: Груня и Выжигин начитались иностранных чувствительных романов, не понимая, как и зачем применять предложенные ими модели поведения. С одной стороны, так подчеркивается одна из сквозных тем романа: значение жизненного опыта. В конце романа Груня умирает в бесчестии в Париже, а умудренный опытом Выжигин воспринимает новость о смерти Груни как доказательство ее неспособности «исправиться», изменить свое поведение в соответствии с уроками, преподнесенными ее собственным опытом. Иными словами, Булгарин таким образом дает читателю понять, что правильные модели поведения почерпываются лишь из жизненного опыта, а не из французских книжек. При этом Выжигин продолжает переписываться с Груней, невзирая на нечистоплотность ее окружения и подозрительность ее поведения, хотя уже и на этой стадии его биографии его «культурный капитал», судя по всему, дает ему некоторое превосходство над Вороватыными и Штосиными. Влюбившись в Груню, он продолжает страдать по ней до завершения романа, воплощая таким образом один из шаблонных сюжетов литературного сентиментализма.

Именно здесь играет роль прагматический аспект сентиментализма как модели поведения. Выжигин, как показывает развитие романа, не демонстрирует способность глубоко задумываться над своими или чужими поступками, но неоднократно проявляет магическое умение усваивать правильные поведенческие образцы. Социальное происхождение не позволило ему научиться хорошему или полезному (и это неоднократно упоминается), а формируется он под влиянием собственного жизненного опыта, который накапливался на основе относительно случайных пересечений с индивидами и сообществами, от которых он впитывал модели поведения. Начитавшись Руссо, Выжигин невольно, но вполне в соответствии с предписаниями жанра и вне зависимости от собственного социального происхождения начинает следовать сентиментальным сюжетным образцам.

Сентиментализм можно рассматривать одновременно как литературное направление и как манеру поведения. Андрей Зорин, ссылаясь на теоретика истории эмоций Уильяма Редди, вводит в контекст русского сентиментализма понятие «эмоциональных убежищ», социальных групп, объединяемых отношениями, ритуалами и практиками, санкционирующими определенного рода чувства и дающими им выход. Общие каждой такой группе представления о том, как эти эмоции следует выражать, понимать и описывать, составляют так называемый «эмоциональный режим» этой группы<sup>87</sup>. В случае русских последователей моделей западного литературного сентиментализма имеет значение роль текста как образца поведения, узнаваемого почитателями того или иного писателя. Читатели не столько разделяли эмоции литературных персонажей, сколько использовали их как узнаваемые модели, годные как для имитации, так и для распознавания себе подобных любителей определенных авторов и произведений<sup>88</sup>.

---

<sup>86</sup> Булгарин Ф. В. Соч. С. 95–96.

<sup>87</sup> См.: Зорин А. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016. С. 7.

<sup>88</sup> См.: *Он же*. Импорт чувств: к истории эмоциональной европеизации русского дворянства // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 117–130; см. также: Vinitky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia. Evanston, Ill., 2015.

В более широком смысле произведения Булгарина отражают воспитательную прагматику французского и русского сентиментализма<sup>89</sup>. Воспитание нравов – ключевая тема, проходящая через большую часть булгаринской беллетристики и журналистики, которая приобрела особую важность после разгрома декабристского восстания<sup>90</sup>. Проблема правильного воспитания дворянского сословия впервые приобрела значение еще в начале 1790-х гг., вскоре после Французской революции, в период расцвета русского сентиментализма<sup>91</sup>. Н. М. Карамзин указывал на способность сентиментальных романов благоприятно влиять на нравственность читателя:

Напрасно думают, что романы могут быть вредны для сердца: все они представляют обыкновенно славу добродетели или нравоучительное следствие. <...> Какие романы более всех нравятся? Обыкновенно чувствительные: слезы, проливаемые читателями, текут всегда от любви к добру и питают ее. Нет, нет! Дурные люди и романов не читают. Жестокая душа их не принимает кротких впечатлений любви и не может заниматься судьбою нежности<sup>92</sup>.

Связь сентиментального романа и нравоучительной литературы заслуживает упоминания потому, что элементы сентиментализма у Булгарина следует рассматривать не только в его узком определении как жанра романа о любви, но и в появившемся к концу XVIII века понимании чувствительной прозы как руководства к (само)воспитанию читателя. Идея нравоопи-сательного романа предполагает, что нравы можно наблюдать, описывать, пытаться изменять или направлять. Так можно обозначить связь между сентиментальными элементами и темой народного просвещения в прозе Булгарина.

Несмотря на регулярное появление просвещенческой риторики в произведениях Булгарина, можно заметить отход от нее в деталях разработки романских сюжетов, указывающих на значение эмоционального (а не рационального) мышления персонажей. В траектории Выжигина от безродного сироты и помещицкой игрушки к уважаемому отцу семейства мало рационального. Образование его, как он сам признает, было случайным и бессистемным. Биография его представляет собой не цепь осмысленных решений, а скорее вереницу счастливых случайностей, обусловленных врожденным стремлением Выжигина к относительно абстрактным добродетелям. Именно этому стремлению Выжигин постепенно учится следовать. Превосходство эмоций над рациональным мышлением более явно демонстрируется в «Записках Чухина», в эпизоде, где рассказывается история отца жены Чухина. Отец Софьи влюбляется в Наталью, психически нестабильную крестьянку без образования («Эта любовь для меня до сих пор непостижима! <...> Любовь моя к ней походила на исступление, на помешательство в уме. Это была, на самом деле, нравственная болезнь. Я не мог вовсе рассуждать. <...> Я был рабом страсти, которой не мог преодолеть разумом»<sup>93</sup>). В сюжетах обоих романов эпизоды конфликта эмоций и разума завершаются в пользу последнего временно и косвенно: объект любовного помешательства устраняется более или менее случайным образом (бегство Груни в

---

<sup>89</sup> Дидактическая направленность французских сентиментальных романов, восходящая к Ричардсону и Руссо, отмечена в статье: *Bercegol F. Le Roman sentimental: bilan et perspectives // Métamorphoses du roman sentimental. XIXe – XXe siècle / Dir. F. Bercegol, H. Meter. Paris, 2015. P. 34–37.* Французские язык и литература оказали влияние на писательскую деятельность Булгарина, особенно в ее ранний период (см.: *Глушковский П. Указ. соч. С. 62*).

<sup>90</sup> О записке Пушкина «О народном воспитании» и о сходстве политических стратегий Пушкина и Булгарина в период после 1825 г. см.: *Рейтблат А. И. Пушкин как Булгарин // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 85–90.*

<sup>91</sup> См.: *Келли К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения // Российская империя чувств. С. 60.*

<sup>92</sup> *Карамзин Н. М. О книжной торговле и любви к чтению в России // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 178–179.*

<sup>93</sup> *Булгарин Ф. В. Памятные записки титулярного советника Чухина... С. 114.*

Париж; непредвиденная смерть Натальи), после чего страдающий рассказчик постепенно излечивается от пресловутой болезни. В «Выжигине» аналогичные эпизоды любовного «помешательства» фигурируют в главах, описывающих его отношения с Груней. И Выжигин, и Чухин расплачиваются за свое помешательство падением социального статуса, кратким пребыванием в тюрьме, потерей денег и т. д., но эти злоключения временны и они очевидно не побуждают персонажей мыслить более рационально, так как их вскоре сменяют новые, не менее сильные эмоции. Выжигин, например, возвращается или к самой Груне, или к эмоционально окрашенным мыслям о Груне несколько раз, включая завершающую главу романа. Иными словами, эпизоды, где чувства персонажей побеждают их способность размышлять над своими поступками, завершаются не торжеством рациональности, предполагаемой классическими принципами Просвещения, а сменой эмоциональной бутафории и переживаниями персонажей по поводу силы испытанных ими эмоций, которые эту силу лишь подчеркивают. Герои булгаринской прозы, испытавшие сильные эмоции, постепенно учатся избегать аналогичных ситуаций, используя собственный опыт как своего рода сентиментальный текст или наглядное пособие для самовоспитания<sup>94</sup>.

В прозе Булгарина встречаются также некоторые примечательные особенности сентиментального стиля. В сентиментальных текстах традиционно преобладали такие элементы, как двойные или тройные восклицательные знаки, а также многоточия, как бы приглашающие читателя заполнить пробел в тексте собственными чувствами, заведомо предполагаемыми автором<sup>95</sup>. Такие стилистические особенности встречаются не только в романах Булгарина, но и в его путевых заметках, как, например, в «Летней прогулке по Финляндии и Швеции, в 1838 г.»:

Самая смешная сторона [характера остзейского недоросля], как я уже сказал, это надменность, превышающая всякое вероятие, и самонадеянность. Господа недоросли (иногда седые) верят, что только у них светит солнце и цветет земля и что они созданы в мире, как алмазы в рудниках Потоси, для украшения рода человеческого!!!!<sup>96</sup>

Скажите мне, неужели можно быть поэтом в Петербурге, и искать вдохновения в Павловском вокзале? Сомневаюсь! Поезжайте в шеры, друзья мои, и даже если вы никогда не уносились духом в мир фантазии, то здесь почувствуете электрический удар поэзии...<sup>97</sup>

В обоих случаях рассказчик останавливается в тот момент, когда читатель способен заполнить пропущенное собственными эмоциями, вызванными повествованием.

Предложенное выше обсуждение прозы Булгарина в контексте литературного сентиментализма имеет значение не только для интерпретации отдельных тем его романов или элементов его стиля, но и для более общего рассмотрения его места в культурном и историческом контексте первой половины XIX века. Исторический аспект эпохи, который здесь следует упомянуть, – это разделы Речи Посполитой, в результате которых Российская империя впервые расширилась в западном направлении и таким образом укрепила свой статус империи много-

---

<sup>94</sup> Идея воспитания человека как рационального воздействия на иррациональные аспекты человеческой природы, восходящая к Руссо и Дидро, позволяет, на наш взгляд, говорить о сентиментализме Булгарина как о симптоме его ориентации на идеи Просвещения. Подробное обсуждение вопроса о взаимосвязи литературного сентиментализма и позднего Просвещения выходит за рамки этого исследования.

<sup>95</sup> Склонность Булгарина к восклицательным знакам была саркастически отмечена Пушкиным: «Г-н Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого таланта. Это, по видимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания (!)...» (*Пушкин А. С. Записки Чухина, сочин[ение] [Фаддея Булгарина] // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 10*).

<sup>96</sup> *Булгарин Ф. В. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году. СПб., 1839. Ч. 1. С. 43–44.*

<sup>97</sup> Там же. С. 130.

национальной и территориально растущей. Экспансия России на запад совпала по времени не только с интенсивной экспансией Британской империи или Франции (распространяющейся в первую очередь в Северную Америку), но и с зарождением литературного сентиментализма. Линн Феста в книге о развитии сентиментальной литературы в Англии и Франции отмечает, что совпадение это не случайно; напротив, литературный сентиментализм был порожден имперской экспансией XVIII века и функционировал как его основная экспрессивная форма<sup>98</sup>. По ее мнению, имперский аспект сентиментализма заключается в его способности создавать достойных читательской эмпатии персонажей таким образом, что читателю предлагается сочувствовать персонажу, при этом четко осознавая свою социальную и территориальную отдаленность от него<sup>99</sup>. Примеры, почерпнутые из аболиционистской литературы об имперской работорговле на Карибских островах или в Южной Америке, демонстрируют, как колониальный субъект наделяется нравственностью, похожей на поведенческие модели колонизатора, или даже более благородными нормами поведения, чем мораль самого читателя (как в случае с нарративами о благородных дикарях Северной Америки), оставаясь при этом фигурой физически удаленной и социально несущественной.

Описание имперского субъекта из недавно аннексированных территорий империи как существа, достойного жалости, но не читательской идентификации, достаточно очевидно в выдержках из «Ивана Выжигина», процитированных в начале этой статьи. Поступки главного героя, представленного в предисловии как «существо (sic!) доброе от природы, но слабое в минуты заблуждения», подаются как достойные сочувствия образцы поведения, которые читателю предлагается осмыслить.

Читатель должен пожалеть сироту Выжигина; он, возможно, задумается над странствованиями Выжигина и его любовными приключениями, обдумывая при этом аналогичные эпизоды из собственной жизни; однако не предполагается, что читатель почувствует себя существом, слабым от природы. Такая модель понимания персонажа Выжигина, основанная на «сочувствии без слияния», действует на протяжении всего романа. Булгарин предлагает читателю сочувствовать Выжигину или Чухину, но не предлагает ему быть ими. Счастливая развязка, происходящая в обоих романах на границах империи, а не в ее столицах и даже не в российской провинции, подчеркивает тот факт, что ни Выжигин, ни Чухин в результате не претендуют на социальное равенство с читателем. Оба заслуживают его сочувствия, но не равноправия по отношению к нему. Возможность такой развязки и ее локализация подчеркивают стабильность империи, ее способность принимать новых субъектов, не интегрируя их.

Интерпретация булгаринского сентиментализма в имперском ракурсе помогает выявить понимание Булгариным «русскости», или русской народности. Выжигин, родившийся, как и Булгарин, в белорусской части Речи Посполитой, впервые напрямую заявляет о своей принадлежности русскому народу в самом конце романа, где одновременно объявляется, что эта принадлежность основана в первую очередь на способности (со)чувствовать подобно другим представителям русского народа: «Радуюсь, что я русский, ибо, невзирая на наши странности и причуды, <...> нигде так охотно не помогут несчастному, как в нашем отечестве, которое по справедливости почитается образцом веротерпимости, гостеприимства и спокойствия»<sup>100</sup>. «Веротерпимость» и «гостеприимство» подчеркивают возможность воображения похожести

---

<sup>98</sup> Festa L. *Sentimental Figures of Empire in Eighteenth-Century Britain and France*. Baltimore, 2006.

<sup>99</sup> «Сентиментальность достигает наибольшей популярности в момент, когда категории национальных, этнических и культурных различий оказываются в наибольшей опасности <...> из-за характерной для нее структуры читательской идентификации. Сентиментальная форма создает *замкнутые сообщества*. Сентиментальные тропы предоставляют способы для воображения коллективных отношений в эту эпоху, потому что они создают видимость похожести, поддерживая при этом формы национальных, культурных и экономических различий <...>. Сентиментальность <...> конструирует объект, с которым мы солидаризируемся, и ретроспективно полагает его понятным (и похожим на нас), таким образом скрывая работу, потраченную на создание объекта по нашему же подобию» (Ibid. P. 51).

<sup>100</sup> Булгарин Ф. В. Соч. С. 366.

без идентификации в ситуации наличия непреодолимых различий (иную веру предлагается «терпеть» в смысле современного требования «толерантности», а принимаемый гость все же остается гостем). Вытекающее из них «спокойствие» можно считать симптомом вышеупомянутой «приятной схожести» («pleasurable similitude»), ощущения воображаемого сходства «гостя» и хозяев, доказанной возможностью их спокойного сосуществования, при отсутствии реальной схожести. Выжигин, будучи сиротой, появляется на свет с амбивалентной идентичностью. Он как бы заслуживает право называться русским через личностные перипетии, которые учат его отличать «хорошее» от «плохого», подражать первому и сочувствовать второму, превращаясь из «существа», достойного жалости, в индивида, имеющего право жалеть других с осознанием собственного отличия от объекта жалости (так он сожалеет в заключительных страницах романа об умершей в Париже Груне). Русская народность, таким образом, определяется как общность тех, кто способен жалеть сироту Выжигина или сочувствовать благородному Арсалану опосредованно, через призму романских стереотипов и с полным осознанием неодолимых различий между читателем и персонажем.

Способность сентиментальных текстов формировать модели эмоционального поведения как на уровне нации или империи, так и на уровне кругов читателей Карамзина или Шиллера ставит вопрос о приемлемости аналогичной интерпретации на промежуточных уровнях, таких, как социальный класс или сословие. Упомянутые выше исследования по истории русской эмоциональной культуры основываются на примерах из литературы, созданной или потребляемой высшими классами российского общества. Они показывают, что русскому сентиментализму, развившемуся в элитарной дворянской среде, были присущи элементы разделенности личности (А. Зорин) и сопутствующие им чувства изгнания и меланхолии (И. Виноцкий). Катриона Келли в работе, основанной на руководствах по воспитанию детей начала XIX века, пишет о важности сдержанности, контроля над чувствами, «живым воплощением» которого становится поведение пушкинской Татьяны в последней встрече с Онегиным в восьмой главе пушкинского романа<sup>101</sup>. Келли приводит примеры из пособий, ориентированных на дворянские семьи, и из художественной литературы конца XVIII – начала XIX века.

Основываясь лишь на этих примерах, есть основания предполагать, что эмоциональная культура средних слоев читательской публики, на которую Булгарин ориентировался, отличалась от эмоциональной культуры высших слоев российского населения<sup>102</sup>. Документальное исследование быта русской помещицкой семьи в 1820–1830-х гг. показывает, что среди читателей Булгарина были люди, не только не считавшие зазорным писать как Булгарин с его сентиментальной стилистикой, но и представлявшие его себе как образец поведения и литературного соратника (читая и ценя при этом поэзию Пушкина)<sup>103</sup>. Эти читатели цитировали Булгарина в кругу семьи и обменивались его публикациями, создавая таким образом «эмоциональное убежище», основанное на его воображаемой личности и его текстах.

Булгаринские чувствительные персонажи не демонстрируют острого внутреннего конфликта между сферой государственной службы и внутренним миром писателя или связанного

---

<sup>101</sup> Келли К. Указ. соч. С. 62–67. Сдержанность, приписываемая высшим слоям населения, представляется сомнительной в контексте многочисленных булгаринских восклицательных знаков и открытой эмоциональности персонажей его романов.

<sup>102</sup> В процитированном выше эссе «О книжной торговле и любви к чтению в России» Карамзин пишет, что сентиментальные романы читают дворяне, возможно провинциальные или мелкопоместные, и, следовательно, «слезы, проливаемые читателями», текли в эпоху Карамзина в первую очередь у этой прослойки читательской публики, а не у купцов, мещан или социального окружения самого Карамзина. Булгаринские персонажи (как мужчины, так и женщины), ориентированные на публику из среднего класса, слез не стыдятся. Следует также отметить, что театральная публика первой трети XIX века, среди которой было больше разночинцев, чем среди читателей романов того времени, свои эмоции выражала, видимо, более открыто, чем дворянская прослойка читательской публики. См.: Купцова О. «Экзажерация чувств»: особенности эмоциональных реакций русской театральной публики 1830–1840-х годов // Российская империя чувств. С. 131–143.

<sup>103</sup> Головина Т. Голос из публики: (Читатель-современник о Пушкине и Булгарине) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 11–16; Pickering Antonova K. An Ordinary Marriage: The World of a Gentry Family in Provincial Russia. Oxford, 2012. С. 89–90, 112–118. (См. также статью Т. Головиной в настоящем сборнике. – Примеч. редактора.)

с ним конфликта между европейской просвещенностью и российской действительностью. У Булгарина несоответствие чувства и долга, а также желаемой и наличествующей реальности незамедлительно устраняется в сфере просвещения и, конкретно, воспитания нравов. Ощущение целостности личности демонстрируется как главное достижение не только безродного сироты Выжигина, но и исконного петербуржца, титулярного советника Чухина. Читатель косвенно приглашается разделить домашнее счастье Чухина или Выжигина. Как Чухин, так и Выжигин завершают свой рассказ, вздохнув в сентиментальной манере об ушедших друзьях и родственниках. Оба персонажа уходят с государственной службы, разрешая таким образом конфликт между чувствительным внутренним миром и коррумпированным внешним. Конфликт этот более четко показан в случае чиновника Чухина, который, получив давно желаемое повышение, объявляет себя больным и запирается в комнате (и вскоре уходит на пенсию). В жизни Булгарина можно найти в чем-то схожее урегулирование этого конфликта: Выжигин заканчивает свое повествование в отставке в Крыму, вдали от света и требований службы; Чухин завершает свою карьеру в «маленьком лифляндском городке», смоделированном по образцу Дерпта, недалеко от которого находилось булгаринское поместье Карлово<sup>104</sup>. Сам Булгарин уехал в Карлово из столицы в 1831 г., во время подавления Польского восстания, и остался там после смерти его покровителя М. Я. Фока, управляющего III отделением, избежав таким образом возможного негативного отношения из-за польского происхождения<sup>105</sup>. Во всех этих случаях поведенческие требования государственной службы – и, конкретно, возможности самовыражения, навязываемые государственной службой, – противопоставляются возможностям самовыражения, предоставляемым географической отдаленностью от места службы и окружением друзей и семьи. Внутренний конфликт между миром службы (неизменно корыстным, бесчувственным) и миром семьи решается во всех приведенных примерах в пользу семьи. Таким образом, создается эмоциональное убежище, где центром эмоционального режима является разделяемая писателем, главным персонажем и, потенциально, читателем вера в практическую целесообразность определенной манеры поведения.

Примером эмоциональной цельности у Булгарина выступает, наконец, сам Н. М. Карамзин. Описанию классика русского сентиментализма свойственна откровенная дидактичность<sup>106</sup>. Карамзин охотно и прекрасно говорит по-русски, в отличие от многочисленных булгаринских карикатур на русских дворян, не знающих родной язык и между собой говорящих по-французски. Он не использует изысканные выражения (галлицизмы?) и не склонен к ссылкам на «авторов» (предполагаемо иностранных). «Полнота и круглость» его речений подчеркивают его целостность как человека и как государственного служащего. Заключительные предложения текста – «Отдаленное потомство скажет: Карамзин был великий писатель и – благородный, добрый человек. Одно стоит другого. Но какое счастье, если это соединено в одном лице!» – не только подчеркивают эту целостность, но и представляют Карамзина как пример, достойный подражания, наподобие описанного в «Иване Выжигине» помещика Россиянинова («помещик, каких дай Бог более на Руси»). Образ Карамзина, созданный Булгариным, скорее был спосо-

---

<sup>104</sup> «Вот уже десять лет как я живу в маленьком лифляндском городке. Ни одно облачко не затмило, до сих пор, моего домашнего счастья. <...> Бог благословил меня здоровыми детками, и расходы мои здесь так малы, что я надеюсь оставить им порядочный кусок хлеба. Все мои радости, все наслаждения сосредоточены в семье моей» (Записки Чухина. С. 125).

<sup>105</sup> Ср.: «Для Булгарина Карлово выступало реализацией сентименталистской утопии о жизни на природе и в гармонии с ней, вдали от мирского шума, где можно общаться с друзьями и лучшими, избранными книгами» (Рейтблат А. И. «Из городов бежал я...»: Булгарин в Карлове // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 254).

<sup>106</sup> Ср.: «Карамзин охотно говорил по-русски, и говорил прекрасно. Иностранные языки он употреблял только с иностранцами. В его речах не было изысканных выражений и ссылок на авторов, столь утомительных в разговоре; но речения его сами по себе имели полноту и круглость; он никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая вообще хладнокровие в разговоре, он воспламенялся только, когда речь заходила о России, об истории и об его старинных друзьях» (Булгарин Ф. В. Встреча с Карамзиным // Булгарин Ф. В. Соч. С. 673–674).

бен стать объектом читательской идентификации (наряду с Россияниновым, Чухиным, Выжиным и, как мы видели на примере его провинциальных читателей, самим Булгариным), чем Карамзин реальный.

Подробное исследование эмоциональной культуры средних слоев российского населения в первой половине XIX века – это тема для отдельной работы. Задачей данной статьи было, во-первых, отследить сентиментальные модели в прозе Булгарина и, во-вторых, наметить возможность некоторых выводов, которые можно сделать при допущении интерпретации Булгарина как писателя, демонстрирующего влияние литературного сентиментализма. С одной стороны, наличие сентиментальных тем и стилистики в прозе Булгарина позволяет говорить о ней в контексте более широких вопросов взаимодействия сентиментальной литературы и исторической эпохи, таких, как взаимозависимость империализма и сентиментализма, обсужденная выше. С другой стороны, сравнение чувствительных элементов у Булгарина с аналогичными элементами у его более изученных предшественников (таких, например, как Карамзин и его последователи) ставит вопрос о различиях между «дворянским» сентиментализмом и сентиментализмом Булгарина. Влияние сентиментального направления в литературе на Булгарина следует рассматривать не только как следствие влияния эпохи, но и как литературную «проекцию» эмоциональной культуры недворянской России, на данный момент относительно малоизученной. Такой ракурс, в свою очередь, позволяет взглянуть на Булгарина, его личность и деятельность не только как на симптом культурных процессов, происходивших в кругах правительства и высшего дворянства, но и как на отражение современной ему истории русского среднего класса.



## Российские Жиль Блазы и тема «книжного сознания» в русских плутовских романах первой половины XIX века

И. С. Булкина

О череде российских Жиль Блазов, в том числе о романе В. Т. Нарезного «Российский Жиль Блаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» и о его связи с гоголевскими «Мертвыми душами» и актуальности для Гоголя традиции плутовского романа, писали еще в начале прошлого века<sup>107</sup>. И связь Гоголя с Нарезным, и параллели между «Мертвыми душами» и булгаринским «Выжигиным» (еще одним российским Жиль Блазом) тоже в известном смысле общее место<sup>108</sup>. Наконец, «русскому плутовскому роману до Гоголя» посвящена вышедшая в начале 1960-х гг. монография Юрия Штридтера<sup>109</sup>. В настоящей работе мы попытаемся уйти от многократно описанных общих мест «плутовского» сюжета, наш предмет – линия развития героя, «русского Жиль Блаза», и его связь с темой «книжного сознания».

Речь пойдет о русском «плутовском романе» первой трети XIX века. При этом слова «плутовской роман» мы берем в кавычки: на самом деле наш предмет сильно отличается от классических образцов этого жанра. Испанский плутовской роман возникает в середине XVI в. как пародия, как перевертыш рыцарского романа, подобно тому как возникает «Дон Кихот» – рефлексия по поводу рыцарского романа. Не случайно донкихотовский сюжет становится популярен в России в те же годы, что и Жиль Блаз, и, по сути, российские Жиль Блазы и российские Дон Кихоты идут рука об руку. Однако если рыцарский роман «учительный», то плутовской роман – роман антивоспитания, и не случайно в самом известном романе этого рода, «Ласарильо из Тормеса», первый учитель героя – слепец: аллегория, показывающая, что герой плутовского романа учится плохо и не у тех учителей<sup>110</sup>.

Но классическая испанская модель отстоит от нас достаточно далеко, а непосредственное отношение к нашему предмету имеет роман Лесажа о Жиль Блазе («Похождения Жиль Бласа из Сантьяны», 1715). Это французский роман об Испании, рефлексия по поводу классического плутовского романа, испанский антураж там сознательно утрирован – фактически перед нами переложение испанской модели на французские литературные нравы. Роман Лесажа был написан в начале XVIII в., в России он получил распространение ближе к концу столетия, во времена чулковского «Пересмешника» и набирающих популярность сочинений Матвея Комарова. Собственно, востребована была демократическая модель авантюрного развлекательного романа – с героем-разночинцем, с множеством приключений и вставными новеллами. Когда Нарезный в 1810-х гг. выбирает этого героя как имя нарицательное, он вкладывает в модель Лесажа другой смысл. Хотя схему, безусловно, заимствует: роман Нарезного – это роман в романе с нагромождением вставных эпизодов. Но уже в завязке Нарезный обнаруживает свой прием, заставляя понимать собственное сочинение как роман о книжном герое и книжном сознании.

---

<sup>107</sup> См., например: *Энгельгардт Н. А.* Гоголь и Булгарин // Исторический вестник. 1904. № 1. С. 154–173; *Переверзев В. Ф.* Пушкин в борьбе с русским «плутовским романом» // Переверзев В. Ф. У истоков русского реального романа. М., 1937. С. 44–77.

<sup>108</sup> См., например: *LeBlanc R. D.* The Russianization of Gil Blas: A Study in Literary Appropriation. Columbus, 1986; а также: *Лебланк Р.* «Русский Жилблас» Фаддея Булгарина: литературная преемственность: от Жуи к Лесажу // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 17–57; *Alkire G.* Gogol and Bulgarin's «Ivan Vyzhigin» // Slavic Review. 1969. Vol. 28. № 2. P. 289–296.

<sup>109</sup> *Striedter J.* Der Schelmenroman in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Romans vor Gogol. Berlin, 1961; рус. перевод: *Штридтер Ю.* Плутовской роман в России: к истории русского романа до Гоголя / Пер. с нем. В. Брун-Цехового, Д. Бордюгова. М.; СПб., 2015.

<sup>110</sup> Подробнее о «слепом учителе» Ласаро и об оппозиции плутовского романа «учительной литературе» своего времени см.: *Томашевский Н.* Плутовской роман // Плутовской роман. М., 1975. С. 10–11.

Действие «Российского Жиль Блаза» начинается в имении провинциальных дворян Простаковых. Вечером в гостиной глава семьи устраивает чтение романа Лесажа. Домашние пытаются отвлечься на другие дела, и старик Простаков призывает их к порядку:

Кто велит тебе вальсировать, когда я читаю книгу, и притом хорошую? Дело бы другое, если б какую-нибудь комедию или пустенький романец, как, например: «Модная лавка», «Новый Стерн» и тому подобные мелочи; или еще и большие, переведенные с французского языка, коими наполнены книжные лавки<sup>111</sup>.

Характерно, что старик Простаков ставит в один ряд модные французские романы и сатиры на модников, их читающих. А «Жиль Блаз» тут выступает не в качестве переводного французского романа, но как книга «из глубин народной жизни». И в тот момент, когда Простаковы читают «Жиль Блаза», появляется сам герой – российский Жиль Блаз, князь Чистяков, положение его самое бедственное, он просится на ночлег:

Несчастье постигло меня. Я страдаю голодом и жаждою; целые сутки ни одна кроха не бывала во рту моем; я дерзнул искать у вас милосердия и убежища на эту ночь. – Он сказал и грязною рукою утер глаза, из коих выкатились слезы (с. 50).

Добрый старик Простаков приютил князя и стал первым слушателем его истории. Так на сцену выходят главные герои романа, и здесь обращают на себя внимание их имена. Ю. М. Лотман в свое время проницательно заметил, что у Нарежного Простаков – фамилия положительного героя: Простаков человек простодушный, он жертва своей доверчивости<sup>112</sup>. Тогда как у Фонвизина Простаковы – люди непросвещенные. У Нарежного и его героев свои счеты с просвещением, и Лотман принципиально отделяет Нарежного от традиции русской просветительской сатиры, оппонируя давней исследовательской идее, берущей начало с известного отзыва И. А. Гончарова: «Он – школы Фонвизина, его последователь и предтеча Гоголя. <...> Он часто впадает в манеру и тон Фонвизина и как будто пересказывает Гоголя»<sup>113</sup>.

Цитату эту приводил Н. А. Энгельгардт, автор первой большой статьи о Нарежном и Гоголе<sup>114</sup>, от него она перешла к В. Ф. Переверзеву, подверставшему сюда аллюзии на «Бригадира»<sup>115</sup>, и этой же цитатой заключает свою статью о Нарежном Н. Л. Степанов в 10-томной «Истории русской литературы»<sup>116</sup>. Таким образом, названные авторы, вслед за И. Н. Гончаровым, «канонизировали» принадлежность Нарежного к «фонвизинской линии». В романе Нарежного, действительно, есть вставные новеллы с сюжетами из «Бригадира», но характерно, что пересказывает их философ Особняк, то есть малороссийский стоик Сковорода. В целом же сторонники социологического подхода в литературоведении чрезвычайно плодотворно занимались изучением плутовского романа, не без оснований причисляя к этой традиции «Российского Жиль Блаза». Однако главный герой Нарежного князь Гаврило Симонович Чистяков, тот самый российский Жиль Блаз, – ни в коем случае не плут. Князь Чистяков – человек, прежде всего, чистый сердцем. Антагонист и настоящий плут тут носит фамилию Светлозаров, которая на классицистский слух звучит немного двусмысленно, но здесь она означает внешний блеск. Чистяков – чистосердечен, но это еще и *tabula rasa*, чистый лист.

---

<sup>111</sup> Цит. по: *Нарежный В. Т.* Избр. соч.: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 48. Далее ссылки на этот роман даны в скобках в тексте.

<sup>112</sup> *Лотман Ю. М.* Пути развития русской прозы в 1800–1810-х годах // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1961. Вып. 104. С. 3–57.

<sup>113</sup> *Гончаров И. А.* Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 447.

<sup>114</sup> *Энгельгардт Н. А.* Указ. соч. С. 167–168.

<sup>115</sup> *Переверзев В. Ф.* У истоков русского реального романа. С. 7.

<sup>116</sup> *Степанов Н. Л.* Нарежный // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 292.

По большому счету и Жиль Блаз Лесажа – антипикаро. И в этом смысле чрезвычайно важна для понимания рецепции Жиль Блаза в России статья Вальтера Скотта, собственно посвященный Лесажу отрывок из его книги «Биографии романистов», напечатанный в «Сыне Отечества» в 1825 г.:

Жиль Блаз имеет все слабости и несообразности, входящие в состав нашей природы, которые мы ежедневно находим в себе или в друзьях наших. Он, по природе своей, не из числа тех дерзких плутов, каких испанцы представили под видом Паоло и Гусмана <...>. Жиль Блаз, напротив того, по природе склонен к добродетели, но ум его, к несчастью, слишком удобно совращается с пути истины и не в силах противостать соблазну дурных примеров и случая<sup>117</sup>.

В том же, 1825 г. «Сын Отечества» помещает отрывки из новейших переложений «Жиль Блаза»: «Приключения Хаджи-Бабы» Джеймса Мориера под названием «Персидский Жиль Блаз» и «Жилблаз революции, или Исповедь Лорена Жиффара» Луи-Франсуа Пикара. И в том же году умирает Нарезный, его начинают поминать, критики «Дамского журнала» и «Московского телеграфа» в рецензиях на издания «Бурсака» и «Двух Иванов» пишут и о «малороссийском Жиль Блазе»<sup>118</sup>, а Н. А. Полевой призывает его опубликовать (в России роман был запрещен, три его части, вышедшие в 1813–1814 гг., были вскоре конфискованы в книжных магазинах и стали библиографической редкостью<sup>119</sup>). Несколько лет спустя появляется булгаринский Выжигин, то есть вторая попытка создать российского Жиль Блаза, и он как будто исполняет сформулированную Н. А. Полевым «жильблавовскую программу»: показать борьбу добра со злом.

«Русский Жиль Блаз» должен непременно показать нам полупросвещенное общество, быстрыми темпами продвигающееся к добру и совершенству, то есть картину борьбы добра со злом, где первое всюду одерживает верх<sup>120</sup>.

Роман Нарезного привычно называют «малороссийским Жиль Блазом», хотя князь Гаврило Симонович Чистяков – житель деревни Фалалеевка, что в Курской губернии. Однако обычное представление о том, что Нарезный пишет о Малороссии здесь не лишено смысла: в деревне Фалалеевка все жители – князья. Здесь в самом деле историческая аллюзия на Украину, где после массовой «нобилитации» 1780-х более 25 тыс. человек получили дворянский статус<sup>121</sup>:

---

<sup>117</sup> Сын Отечества. 1825. Ч. 104. № 24. С. 358. Точно так же Булгарин затем характеризует своего Жиль Блаза – Выжигина: «Мой Выжигин есть существо доброе от природы, но слабое в минуты заблуждения, подвластное обстоятельствам – одним словом: человек, каких мы видим в свете много и часто» (*Булгарин Ф.* Соч. М., 1990. С. 8). Заметим, что это похоже и на то, как Гоголь характеризовал Хлестакова: «Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. <...> Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.; Л.], 1951. Т. 4. С. 9, 101).

<sup>118</sup> Дамский журнал. 1825. Ч. 9. № 3. С. 114; Московский телеграф. 1825. Ч. 4. № 16. С. 346–347.

<sup>119</sup> См.: *Лебланк Р.* Указ. соч. С. 17.

<sup>120</sup> Московский телеграф. 1829. Ч. 8. № 13. С. 77–78.

<sup>121</sup> Когда затем, через полвека, при Николае I, провели так называемую «ревизию шляхты», в одной лишь Киевской губернии из дворянского сословия были исключены 64 тысяч шляхтичей, они были причислены к податным классам однодворцев и граждан западных губерний, и в этом смысле исключительно характерна «прощальная речь» киевского генерал-губернатора Д. И. Бибикова: «Когда я приехал, застал здесь, что все были дворяне: помещик ехал в карете – дворянин, кучер на козлах – дворянин, сторож – дворянин, в кухне стряпал – дворянин, подавал барину сапоги – дворянин, и когда он рассердясь хотел взыскать с него, тогда служитель отвечал ему: не имеешь права, я тебе равен» (Киев и университет св. Владимира при императоре Николае I. Киев, 1896. С. 27).

Она славна своим хлебородием и наполняет житницы Петербурга и Москвы; но странный в ней недостаток, буде так сказать можно, есть тот, что там столько князей, сколько в Малороссии дворян, а в Шотландии – графов (с. 53).

Все князья пашут землю, но у Гаврилы Симоновича, как позже у Чичикова, есть одна крепостная семья. Впрочем, в какой-то момент он лишается и этого единственного достояния, зато женится на соседке – княжне Феклуше, и у него налаживается какой-никакой быт, появляется младенец-сын. Но в известный момент в Фалалеевке появляется проезжий купец, который за большие деньги покупает у князя старые отцовские книги. Гаврила Симонович так поражен их стоимостью, что и сам начинает читать, а затем приучает к чтению Феклушу. Книжки, которые он дает ей, представляют собой «романы с толкучего рынка»:

Продолжая перебирать свою библиотеку, нашел я книги, следующие по ряду: о Бове Королевиче; о Принцессе Милитрисе; о Еруслане Лазаревиче; о Булате-молодце; об Иване-Царевиче и Сером волке и прочие такого же рода. Все сии сокровища перенес я к себе и начал в свободные вечера почитать и научать жену мою знать свет (с. 133).

В итоге невинная и добродетельная княжна Феклуша сбегает с заезжим соблазнителем, князем Светлозаровым, объяснив в прощальном письме, что в книжках все так поступают. Заметим, что в списке князя Чистякова лишь сказочные лубочные романы. Список, фигурирующий в параллельной «истории соблазнения», где жертвой становится дочь Простакова, совсем другой. Там речь идет о городском пансионе, где девицы обучились читать по-французски:

О! как был я непростительно виноват, согласясь на представления жены и пославши дочерей в городской пансион! Дочери мои не знали бы говорить по-французски [и] не читали бы <...> «Терезии Философки», «Орлеанской девственницы», «Дщери удовольствия» и прочих беспутнейших сочинений, делающих стыд веку и народу (с. 222).

Похожий «антисписок» – книги, которых нет и быть не может в идеальной библиотеке идеального поместья, находим в «Аристионе», утопическом продолжении «Жиль Блаза», скучном романе не о повреждении, но об исправлении нравов, предвещавшем третий том «Мертвых душ». И там поминаются все те же «Терезия Философка», «Полночный колокол», «Монах», «Пещера смерти», «Удольфские тайны», «Веселая повесть о двух турках» и т. д.

«Плохие книги» в «Русском Жиль Блазе» не только пружины сюжета. Роман начинается с упоминания о книгах, и потом эти «книжные» мотивы, собственно, вся эта популярная в известный момент тема книжного сознания становится конструктивным приемом. Запрещенные последние три части – и есть как бы перенесенный в иную реальность французский роман, собственно, те либертинские соблазны («*заблуждения сердца и ума*»), которые от него происходят. При этом соблазны и повреждения нравов описаны исключительно ярко и подробно. Множество страниц отдано масонским таинствам и оргиям: масоны предстают величайшими мошенниками и распутниками.

В более позднем «Жиль Блазе» – в одноименном романе Г. Симоновского<sup>122</sup> – герой точно так же попадает к масонам и точно так же в конце концов обнаруживает, что они мошенники и занимаются вещами криминальными, но этот автор обходится без оргиастических сцен. В «Русском Жиль Блазе» Симоновского масонский сюжет смыкается с сюжетом о благородном разбойнике, что логично: и те и другие концептуально грабят богачей. И хотя здесь масонский

---

<sup>122</sup> Симоновский Г. Русский Жиль Блаз, похождения Александра Сибирякова, или Школа жизни. М., 1832.

сюжет ослаблен, он свидетельствует о генетической связи между этим текстом и «Жиль Блазом» Нарезного.

Напомним, что у Гоголя похожий сюжет появляется во втором томе «Мертвых душ», в истории Тентенникова. У Булгарина, разумеется, нет никаких масонов и книжной линии нет как таковой, сюжет максимально выхолощен и упрощен и в прямом и в переносном смысле: на порядок меньше вставных новелл, а у Гоголя на весь первый том и вовсе одна – про капитана Копейкина. У Булгарина и затем у Гоголя архаическая авантюрная сюжестика постепенно ослабляется и подменяется бытописанием.

В пользу «книжных» свойств жильблазовского героя говорит и упоминавшееся выше параллельное продвижение «русских Дон Кихотов» и «русских Жиль Блазов». Чрезвычайно чуткий к конъюнктуре А. А. Орлов издает почти одновременно и своих Выжигиных, и «муромского Дон Кишота». В этом смысле еще более характерен другой Дон-Кихот – «Кашей» А. Ф. Вельтмана (1833): сюжет его неизбежно возвращает нас к несчастному князю Чистякову. У Вельтмана приключения Ивы Олельковича начинаются с того, что он наслушался сказок (все тот же «список» из Бовы Королевича и Еруслана Лазаревича) и отправляется на поиски похищенной жены Мирианы Боиборзовны.

А вот наш Дон Кихот, князь Чистяков, в начале романа собирается свататься:

Вынул мундир прадеда моего, служившего в каком-то полку унтер-офицером <...> снял с гвоздя тесак, почистил суконкою и выколотил пыль из шляпы. <...> [Скоро он] был готов, ходил по избе, точно как испанец, смотрел на все сурово, и если кошка или барбоска мне попадались, я грозно извлекал меч свой (с. 61).

Для довершения сходства с «рыцарем печального образа» он споткнулся о кошку, наткнулся на гвоздь и порвал мундир, а изъеденный ржавчиной тесак, запутавшись у героя между ногами, переломился и утратил эфес. Характерно, что князь, подобно священнику и цирюльнику из «Дон Кихота», сжигает те самые книги, от которых произошло все зло. Потом эта сцена повторяется в романе еще раз, с другим помрачившимся от книг героем.

Существует точка зрения на Нарезного как новатора, который хотя и писал в предисловии, что следовал за оригиналом, на самом деле был вполне самостоятелен, меж тем как Булгарин, напротив, в предисловии писал, что никому не подражает и никого не копирует<sup>123</sup>, а на самом деле рабски следовал за образцами<sup>124</sup>. Это не совсем так: если убрать из романа Нарезного книжные мотивы и множество литературных и житейских аллюзий, то останется схема Лесажа, которой ближе к концу он следует едва ли не буквально. Подобно герою Лесажа, который в самые циничные свои аферы пускается тогда, когда достигает верха, то есть оказывается при дворе и становится доверенным лицом герцога Лерма, князь Чистяков вершины плутовского цинизма и богатства достигает в Варшаве, когда становится секретарем князя Латрона. После этого происходит крушение его карьеры и начинается его исправление и преображение. Он идет из Варшавы домой пешком, через Малороссию, на пути встречается философа Особняка, то есть малороссийского Сократа Григория Сковороду, и тот ему объясняет на примерах из жизни, что чем меньше имеешь, тем крепче спишь и что все материальное благополучие ничего не стоит. Где-то ближе к концу князь вновь достает книгу, тот самый роман Лесажа, – теперь его читает уже не Простаков, а сам российский Жиль Блаз:

---

<sup>123</sup> «Смело утверждаю, что я никому не подражал, ни с кого не списывал, а писал то, что рождалось в собственной моей голове» (Булгарин Ф. В. Указ. соч. С. 8).

<sup>124</sup> Именно о литературных открытиях и «приоритетах» Нарезного со ссылками на И. И. Дмитриева, Н. И. Надеждина и В. Г. Белинского пишет в предисловии к современному изданию «Российского Жиль Блаза» Ю. В. Манн, вспоминая о критической «кампании» в пользу Нарезного 1829 г., после выхода «Ивана Выжигина» (Манн Ю. У истоков русского романа // Нарезный В. Т. Указ. соч. Т. 1. С. 1–3).

...вынувши похождение Жилблаза, занялся сею книгою и при каждом новом положении героя сравнивал с ним себя. Мое тогдашнее положение было подлинно жилблазовское (с. 594).

Особенность этого персонажа у Нарезного (кроме того, что он постоянно смотрится в книжное зеркало) заключается в том, что в его характере есть развитие. Он переживает нравственное падение и преображается. У Булгарина совсем другая история: в его романе фактически реализуется поговорка «из грязи в князи» – Сиротка родился в собачьей конуре, а в конце оказался урожденным князем Милославским. У Булгарина фамилии самым прямым образом указывают на характер, поэтому урожденный князь Милославский, безусловно, положительный герой. Титульное имя Выжигин может ввести в заблуждение, но это значит не «прожженный плут», а всего лишь «меченый». Этот герой отмечен шрамом (наrost на плече), по которому его потом узнает мать. Если князь Чистяков в самом деле заблуждается, грешит и раскаивается, приобретает некий опыт и пытается передать его другим, то Выжигин от начала и до конца – резонер. Он поучает с первой и до последней страницы. Он даже не плут-морализатор, он исключительно нравственный персонаж, пронсящий свою нравственность как знамя через все испытания и в конце получающий вознаграждение. Роман Булгарина о том, как последние становятся первыми, как человек талантливый, ловкий и нравственный из всякой ситуации выходит победителем и в конце получает в награду титул, состояние и дом в Крыму.

В сегодняшнем «булгариноведении» популярна та линия мысли, что «Выжигин» являет собой «человека эпохи Просвещения», скорее Тома Джонса, нежели Жиль Блаза, западную модель «истории успеха»<sup>125</sup>. В этом смысле «Жиль Блаз» Нарезного – роман обратного толка, антипросветительский и отчасти социально-утопический. Герои Нарезного тоже в конце концов обретают благополучие, но идея в том, что не в деньгах счастье, а в правильном устройстве жизни.

Между тем, у Булгарина тоже есть «антипросветительский» сюжет о вредных французских книжках. Книжки здесь читает главный злодей по фамилии Вороватин:

У него была небольшая библиотека заповедных книг и – все соблазнительное, что только ходило по рукам, в стихах и прозе, находилось в его небольшом собрании рукописей. <...> Адские свои правила г. Вороватин прикрывал названием «новой философии» и под именем «прав натуры» и «прав человека» посеивал в неопытных сердцах безверие и понятия о скотском равенстве. Идеи его нам чрезвычайно нравились, потому что в них находили мы все, что могло льстить нашему самолюбию, и все, чем можно было доказать наше мнимое право на независимость. Мы почитали себя философами XVIII века и всех, кто думал не так, <...> называли варварами и невеждами<sup>126</sup>.

Другого рода книжки читает «несовершенный» женский аналог Жиль Блаза, возлюбленная Выжигина, Груня. О Груне сказано, что она была задумчива, проводила большую часть времени одна, в своей комнате, в чтении чувствительных романов и знала наизусть «Страсти молодого Вертера» и «Новую Элоизу». Но в итоге Груня плохо кончила, и моралист Выжигин объясняет, что это все потому, что сердце ее не было просвещено. В отличие от Нарезного, Булгарин не делает разницы между романами «Тереза-философ» и «Новая Элоиза», между Руссо и либертинами.

Отдельный сюжет, так или иначе связанный с «книжным сознанием», находим в «Русском Жиль Блазе» Симоновского. Он, как уже было сказано, появился в момент успеха «Выжигиных», но восходит непосредственно к Лесажу (в вальтер-скоттовском прочтении). Героя

---

<sup>125</sup> См.: *Mejsztutowicz Z. Powieść obyczajowa Tadeusza Bułharyna*. Wrocław a. o., 1978. S. 75; *Лебланк Р.* Указ. соч. С. 36–40.

<sup>126</sup> *Булгарин Ф. В.* Указ. соч. С. 93.

зовут Сибиряков, он, как и положено такому герою, начинает свою исповедь с истории семьи: отец и мать, ошибки воспитания и недостатки образования. Автор в предисловии предупреждает, что перед нами «школа жизни» и что он «намеревался описать и очертить обыкновенные изменения человеческой жизни, происходящие более от неопытности и поспешности». Иными словами, перед нами вновь герой неопытный и простосердечный. На первых страницах отец Сибирякова произносит традиционный монолог о вреде французских книг, но книжный сюжет здесь другой. Герои Симоновского принадлежат иной эпохе, и они смотрятся в другое книжное зеркало.

Сравним разговор провинциальных помещиков:

В Москве или в Петербурге кто-то сочинил роман, какой-то мерзавец. – Вы, верно, это говорите об Английском Милорде? <...> напрасно, он очень хорош. – Какой Милорд, сударыня, это Бог знает как называется, как-то мудрено <...>. Там все представлены, и вы, и я – все в смешном виде. Про меня говорят, будто бы я за зайцами езжу одна с дворовыми людьми, про француза моего, что он у меня вместо сына ходит за собаками, – такой вздор, что это ужас. Про вас, Василиса Григорьевна, будто вы были где-то на балу, будто вам подают артишоки, вы взяли соусу <...>.

– Вот уж никогда я архишуки не ем с соусом; врет, кто это сочинил. <...>

– Это правда, – сказал Гаврила Тимофеевич, – нынче у нас так много появилось нравственно-сатирических романов, что если б они описывали не глухих и не безграмотных, то верно бы скоро последовало исправление<sup>127</sup>.

Персонажи этого российского «Жиль Блаза» читают уже не Бову Королевича, а популярные в ту пору «нравственно-сатирические романы». При этом модная бирка, как кажется, опережает сам прием: романы «выжигинского бума», все эти гурьяновские «пройдохины» и орловские пародии на «Выжигина», довольно архаичны: на обложке красуется титул «нравственно-сатирический роман», а под обложкой – очередной Ванька Каин (у Орлова так и написано – «сын Ваньки Каина»). К самому «Выжигину» модная бирка точно так же мало приложима – в этом, собственно, состояла суть претензий журнальной критики: Булгарин будто бы «дал обещание, да не выполнил», – обещал написать историю, которая «может случиться со всяким», а «слепил роман» как в старину – «из вымыслов». – «“Иван Выжигин” есть не что иное, как – большая сказка»<sup>128</sup>. В этом несоответствии обвинял Булгарина Надеждин, и в этом с ним сходилась Пушкин (Феофилакт Косичкин), оба они уподобляли Булгарина лубочному Орлову («Несколько слов о мизинце господина Булгарина и о прочем»<sup>129</sup>). Критики обвиняют Булгарина в том, что он пришивает модный ярлык на изделие для толкучего рынка, что он написал роман авантюрный и архаический, без какого бы то ни было нравоописательного правдоподобия. Характерно, что Надеждин ставит ему в пример того же Нарезного:

Все, однако ж, ты не скажешь, – подхватила Фекла Кузминишна, дожидавшаяся с нетерпением окончания речи возлюбленного сожителя, – все, однако ж, ты не скажешь, что у нас на Руси бывали прежде такие истории! Ведь «Жилблаза»-то писал не русской!

---

<sup>127</sup> Симоновский Г. Указ. соч. С. 141.

<sup>128</sup> «“Иван Выжигин” действительно есть не что иное, как – большая сказка; а наши добрые люди приняли кукушку за ястреба и – ну потрошить ее охотничьими ножами!.. А! Никодим Аристархович! атенейский кум ваш промахнулся немножко!.. Ему б лучше приняться за то, почему автор “Выжигина”, обещавшись рассказывать “происшествия, кои могли случиться со всяким, без прибавлений вымыслов”, не сдержал своего слова?..» (Надеждин Н. И. «Иван Выжигин», нравственно-сатирический роман // Вестник Европы. 1829. № 11. С. 212).

<sup>129</sup> Эта пушкинская статья с подписью Ф. Косичкин была опубликована в «Телескопе» Н. И. Надеждина (Телескоп. 1831. Ч. 4. № 15. Август. С. 412–418).

П[ахом] С[илич]. А ты разве не читала романов покойника Нарезного?.. Вот так подлинно народные русские романы! Правду сказать – они изображают нашу добрую Малороссию в слишком голой наготе, не отмытой нисколько от тех грязных пятен, кои наведены на нее грубостью и невежеством; но зато – какая верность в картинах! какая точность в портретах! какая кипящая жизнь в действиях!..<sup>130</sup>

Вероятно, в силу определения «нравственно-сатирический роман», в «Выжигине» присутствуют портреты плохих и хороших помещиков, причем иные из них впоследствии явятся у Гоголя (так булгаринский Глаздурич отзовется в Ноздре). В «Выжигине» появляется настоящий положительный герой – честный чиновник Петр Петрович Виртутин, он провозит героя по разным имениям, показывая ему образцовые. Наконец, там есть глава под названием «Помещик, каких дай Бог более на Руси», фамилия помещика, разумеется, Россиянов, и он – патриот. Все это отчасти напоминает последний – утопический – том Нарезного и предвещает гоголевскую «поэму». И тем не менее «Мертвые души» в этом ряду – произведение совершенно другого порядка, в нем, безусловно, есть черты «российских Жиль Блазов», но гораздо более существенно то, что выделяет его из этого ряда.

Прежде всего, для «Жиль Блазов» характерно повествование от первого лица. В такой нарративной модели герой – заведомый протагонист, и коль скоро между повествователем и персонажем нет дистанции, то нет и отстранения: даже если заглавный персонаж совершает неблагоприятные поступки, он должен быть оправдан<sup>131</sup>. «Жильблавовская» модель предполагает рассказ опытного человека о своем начальном неблагополучии, о пройденных им испытаниях, о «школе жизни» и о последующем исправлении. Такой роман пишется в обратной перспективе, и соответственно рассказ начинается с начала: история героя, история семьи, воспитание (антивоспитание). Временная диспозиция задает известную дистанцию – у Гоголя она создается позицией повествователя, подчеркнута удаленного. Традиционное начало, – собственно, рассказ про детство Чичикова, про его отца, начало карьеры и т. д. – мы находим лишь в конце первого тома (подобно пушкинскому: «Хоть поздно, но вступление есть»). А в первых главах «Мертвых душ» мы получаем Чичикова уже готовым, законченным и гладким, как бы покрытым лаком: у него нет развития, нет шероховатостей, единственная его отличительная черта – это маниакальная чистоплотность<sup>132</sup>. В этом смысле он составляет парадоксальную противоположность князю Чистякову, который возникает в начале романа весь в грязи, вытирая слезы грязной рукой и являя собою заведомый контраст между чистосердечием и грязью обстоятельств. И Выжигин в начале романа обретается в грязи, в собачьей конуре, – этот герой явился из грязи. Чичиков же, едва явившись на страницах книги, без конца умывается и скребет щеки, он всю дорогу с вождением мечтает о французском мыле. И когда Гоголь наконец доходит до истории его жизни – истории законченного плута, он замечает:

Хотя он и должен был вначале протираться в грязном обществе, но в душе всегда сохранял чистоту, любил, чтобы в канцеляриях были столы из лакированного дерева и все бы было благородно<sup>133</sup>.

Та чистота, которая у Нарезного была конструктивным приемом, и та грязь, которая была точно таким же парадоксальным приемом у Булгарина, здесь обыгрывается как видимость.

---

<sup>130</sup> Надеждин Н. И. Указ. соч. С. 212.

<sup>131</sup> Подробнее об этом см.: Striedter J. Op. cit. S. 19.

<sup>132</sup> Притом, что мы привыкли думать, будто у Чичикова нет никаких отличительных, то есть резких черт, он – «никакой»: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» (Гоголь Н. В. Указ. соч. М., 1951. Т. 6. С. 7).

<sup>133</sup> Там же. С. 233.



В самом начале «Мертвых душ» Гоголь избавляет Чичикова от традиционной для наших героев страсти к чтению: Чичиков не читатель, и Гоголь передает эту страсть Петрушке, при этом замечая, что Петрушке было совершенно все равно, что читать. Зато жители уездного города – читатели тех самых авантюрных романов, к которым восходили сюжеты и модели российских «Жиль Блазов», воспринимают Чичикова как героя именно таких романов: Ринальдо Ринальдини, благородный разбойник, капитан Копейкин.

При том, что Чичиков постоянно перемещается, место действия первого – «приключенческого» – тома достаточно ограничено: в отличие от героев авантюрных романов, Чичиков не «покоряет географию», он не покидает пределов одного уезда. Время действия в «Мертвых душах» тоже имеет точную привязку, хотя в принципе это характерное свойство «жильблавской модели»: романы этого типа описывают, как правило, недавнюю историю. Действие романа Нарежного происходит в позднюю екатерининскую эпоху, 1790-е гг. (узнаваемые варшавские сюжеты, появление Сковороды, масоны и т. д.), действие «Выжигина» – приблизительно тогда же (в первых главах выясняется, что Белоруссия недавно отошла к России, упоминаются турецкая война и крепость Туртукай), а герой романа Симоновского своим предшественникам годится в сыновья: это его отец повредился на французских романах, сам же Сибиряков и его собеседники читают «вчерашние газеты», – модные нравственно-сатирические романы. Сибиряков даже в какой-то момент берется читать журналы, и целая глава посвящена сравнению критики «Вестника Европы» и «Московского телеграфа». События в уездном городе Н. и «похождения Чичикова» развиваются вскоре после «достопадного изгнания французов», то есть в годы выхода первых трех частей «Жиль Блаза» Нарежного и запрета на публикацию остальных трех. Трехтомную структуру «Мертвых душ» иногда уподобляют структуре «Божественной комедии», и хотя «с высшей точки зрения» это верно, в нашем ряду, более тесном и приземленном, такая структура повторяет роман Нарежного, с той разницей, что чистилище и обретенный рай в «Мертвых душах» располагаются не в утопическом имении купца Причудина и не в Тавриде, как у Булгарина, а в Сибири.

Когда Нарежный брал за основу схему «Жиль Блаза», перегружая сюжет приключениями в духе «Всеобщей библиотеки романов» (*Bibliothèque universelle des romans*, 1775–1789) и вставляя соблазнительные сцены из романов либертинских, он сознательно искал рецепт коммерческого успеха: тогда же он уволился со службы, намереваясь стать профессиональным литератором. Запрет романа стал несчастьем, которое его сломало. Зато коммерческий план вполне удался Булгарину, который, как сразу заметили проницательные современники, взял за основу ту же модель. От «литературы толкучего рынка» ему позволяла отстраниться «жанровая бирка» (нравственно-сатирический роман) и морализаторско-сатирическая помещичья линия. Гоголь от традиции русского «Жиль Блаза» заимствует не приключенческо-коммерческую, но исключительно «нравственно-сатирическую» помещичью линию, при том что генетически его роман скорее родственен роману Нарежного с его утопическим перевоплощением в духе «Аристиона». Но собственно модель героя, идея героя у него принципиально отличается от «жильблавской»: Гоголь создает героя без истории (даже без «книжной истории!»), героя, который является «в готовом виде». Чичиков отнюдь не слабый человек «как все», не тот «чистосердечный» Жиль Блаз, который виделся Вальтеру Скотту и Нарежному. Чичиков – герой без лица, который «взялся ниоткуда» и явился в уездный город с неким планом. Именно наличие определенного «плана» делает его героем «плутовского романа» нового типа – самым известным образцом такого романа стали столь очевидно отсылающие к гоголевской «поэме» «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова.

## Путевые заметки Ф. В. Булгарина как риторический жанр: своеобразие и литературный контекст

Н. Л. Вершинина

В специальных работах, посвященных типологии жанра путешествия в русской и мировой литературе, путевые заметки Булгарина, как правило, не упоминаются<sup>134</sup>. Обращение к Булгарину в связи с данной жанровой структурой возникает попутно, например в рамках дискуссии об авторской принадлежности очерка «Загородная поездка», развернутой С. А. Фомичевым<sup>135</sup>, вызвавшей полемические отклики как с точки зрения текстологии<sup>136</sup>, так и с позиций литературной стилистики. Среди них, в русле наших рассуждений, целесообразно выделить статью А. В. Архиповой<sup>137</sup>, где опровержение гипотезы о возможном авторстве Булгарина, подвергающей сомнению авторство А. С. Грибоедова, опирается на стилиевые различия двух текстов: заметки Булгарина «Поездка в Парголово, 21 июня. (Письмо П. П. Свиныну)» (Северная пчела. 1825. № 77) и опубликованной годом позже «Загородной поездки» Грибоедова (Северная пчела. 1826. № 76).

Акцентирование проблемы стиля в статье А. В. Архиповой представляется научно мотивированным, прежде всего, тем, что оба текста помещены в «Северной пчеле» в разделе «Словесность» (а не «Нравы» или «Путешествия»). Вместе с тем, в работе видна тенденция отделить новаторство прозы Грибоедова параллелью с «путевой» стилистикой Булгарина. В жанре путешествия Булгарин предстает безлично «традиционным» во всех элементах формы, между тем как Грибоедов, по убеждению исследователя, нарушает «стереотип» «индивидуальным характером» описаний, пониманием «значения точной детали», полемичными по отношению к «традиционной нормативности»<sup>138</sup>.

На наш взгляд, данная аттестация этого уже не первого путевого очерка Булгарина (до него были «Письма о Петербурге: Прогулка за город» (1823), «Поездка в Кронштадт. (Письмо к Н. И. Гречу)» (1824), «Прогулка в Екатерингоф» (1824), не говоря уже о научно-фантастических и сатирических путешествиях) не отражает жанрово-стилевой специфики упомянутого сочинения, равно как и последующих, появившихся на протяжении литературного пути Булгарина вплоть до последних лет жизни. Уяснение особенных примет стиля писателя в жанре путевых заметок и, само по себе, установление факта их наличия, мотивированного эстетическими и мировоззренческими основаниями, в соотношении с литературным контекстом, составляет задачу наших изысканий.

Прежде всего, нельзя удовлетвориться упрощающим проблему заключением о так называемой традиционности Булгарина, поскольку даже небольшая «парголовская» зарисовка не сводима к стилизованным отображениям «идиллических» пейзажей, как указывает в своей

<sup>134</sup> См.: *Роботи Т.* Литература «путешествий» // Русская проза: сб. статей. Л., 1926. С. 42–73; *Ивашина Е. С.* О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1979. № 3. С. 3–16; *Банах И. В.* Нарративная структура жанра путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2004; *Михайлов В. А.* Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999; *Иванова Н. В.* Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

<sup>135</sup> *Фомичев С. А.* Спорные вопросы грибоедовской текстологии // Русская литература. 1977. № 2. С. 68–69; *Он же.* Заметки о грибоедовской текстологии // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 201–205.

<sup>136</sup> См., например: *Мещеряков В. П.* К вопросу об атрибуции очерка А. С. Грибоедова «Загородная поездка» // Русская литература. 1980. № 2. С. 123–125.

<sup>137</sup> *Архипова А. В.* О прозе Грибоедова // Русская литература. 1992. № 1. С. 87–94.

<sup>138</sup> Там же. С. 91–92.

содержательной статье А. В. Архипова. Своеобразная манера повествования во всех «путешествиях» Булгарина, включая и описания передвижений в географическом пространстве, состоит в том, что видимые стереотипные формы оригинальным образом «переусваиваются» и по-новому организуются создателем текста. К Булгарину можно отнести мысль Г. А. Гуковского по поводу ранней прозы Н. А. Некрасова, что представляется уместным, так как оба автора (в отличие от других) применяют литературные приемы *не* с сугубо художественными целями. В литературности они, в основном, ищут арсенал «готовых» средств, необходимых для развертывания тенденции, идеи, образа, но не собственно художественную идею или самоценный образ, что является особенностью скорее риторического, а не художественного дискурса. «Другие писатели дали материал, – пишет Гуковский. – Пути его обработки были свои, хотя это были пути целого ряда современников Некрасова <...>». Остановившись на «Повести о бедном Климe» (1841–1848), исследователь отмечает свойство, как представляется, не чуждое и сочинениям Булгарина: состав поэтики, в особенности в его публицистически-художественных текстах, должен играть не отправную и главенствующую, а «подсобную роль»<sup>139</sup>.

Из этого следует, что неправомерно вести речь о *романизации* жанра в путевых заметках Булгарина, наблюдаемой у ряда его современников – Бестужева-Марлинского, Пушкина, Вельтмана, позднее в «Тарантасе» Соллогуба, далее у Гончарова, в морских путешествиях Станюковича («Из кругосветного плавания» и др.). Данная тенденция связана с фактором вымысла при сохранении узнаваемых контуров формы путешествия, но, несмотря на то что уже в XVIII веке литературное путешествие сближалось с жанром романа (в западной литературе – произведения Дефо, Свифта, Смоллетта; в России – «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда» Ф. Эмина, да и сам Булгарин в «Иване Выжигине» внес элементы жанра в развитие сюжета), – для путевых заметок – с мировоззренческих и эстетических позиций – он убежденно отстаивал приоритет «подлинности». Так, по поводу «приключения», случившегося с ним в Ливонии, путешественник замечает: «Вот одно нечаянное приключение от Петербурга до Риги. Все прочее было ожидаемое, единообразное и рассчитанное, как будто по календарю. Можно бы кое-что и выдумать, – но это не мое дело. *Правда* есть девиз моего путешествия»<sup>140</sup>. Речь идет, как представляется, не о подлинности собственно фактической (хотя и она декларировалась Булгариным), а о подлинности отношений с читателем, выступающим в особой функции – сочувственника-собеседника. Происходит не художественное «расцвечивание» путешествий и их трансформация в беллетристическую форму, а, скорее, развитие и совершенствование риторических способов изображения, что приводит к своеобразному литературному эффекту, близкому художественному.

В риторическом тексте присущий ему монологизм не противоречит главной установке автора на многообразие и широту сферы общения, на ее демонстративную открытость адресату в узком и широком смыслах слова. Подразумевая 1830-е и более поздние годы, когда развитие жанра вступает в фазу новой активности, Т. Роболли отмечает: «Читатель в литературе “путешествий” наследует функцию друзей-адресатов <...>»<sup>141</sup>. Но необходимо отметить, что у Булгарина преодоление границ между условными адресатом и читателем в жанре путевых заметок происходит гораздо раньше, и коммуникативная переориентация жанра органично способствует такому преодолению. В путешествиях Булгарина можно наблюдать работу автора по созданию образа речевой среды на разных уровнях слова: просветительского, дружеского, полемического, иронического, лирического, остро сатирического. «Свободная перебойная манера» (выражение Т. Роболли<sup>142</sup>) является своего рода аналогом «свободного романа», но

<sup>139</sup> Гуковский Г. А. Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы сороковых годов // Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Новонайденная рукопись Некрасова. М.; Л., 1931. С. 381.

<sup>140</sup> Булгарин Ф. Прогулка по Ливонии. Письмо 5-е (Окончание) // Северная пчела. 1827. № 88. 23 июля.

<sup>141</sup> Роболли Т. Указ. соч. С. 71.

<sup>142</sup> Роболли Т. Указ. соч. С. 65.

у Булгарина поиск подобной формы проецируется на жанр «безделки». Не случайны характерные для его сочинений разных жанров апелляции к Карамзину. «Легкость слога» способствует эффекту естественного течения речи, тщательно и осознанно создаваемому усилиями автора. Абстрактная универсальность шаблонов выводится на грань возможной жизненной реализации, в пограничную словесную область между литературой и бытом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.